

XXIII г.—1897 г.

№ 8-й.

Цѣна съ пересылкой
4 р. 50 к.

Отдѣльнаго № 25 к.

выходятъ

Д В А Р А З А

ВЪ МѢСЯЦЪ.

Апрѣля 15-го.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
НОВГОРОДЪ,
редакціи „Епархіальныхъ
Вѣдомостей“.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Завѣдующій редакціею твореній Дмитрія, архієпископа Херсонскаго и Одесскаго, вошелъ къ Его Высокопреосвященству письмомъ, коимъ проситъ оказать содѣйствіе къ распространенію твореній св. Дмитрія, изданныхъ въ 5-ти томахъ, въ новгородской епархіи, причемъ присовокупилъ, что всѣ пять томовъ могутъ быть уступлены редакціею за 3 руб. 50 коп. На этомъ письмѣ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 25-го марта сего года за № 1010, послѣдовала такова: „Рекомендовать благочиннымъ выписывать проповѣди высокопреосвященнаго архієпископа Дмитрія для благочинническихъ библіотекъ, и рекомендовать священникамъ церквей со старостами выписывать проповѣди для церковныхъ библіотекъ, съ присовокупленіемъ, что

эти проповѣди могутъ быть выписываемы чрезъ книжный складъ при библиотекѣ Братства св. Софїи“. О чемъ Консисторїя и объявляетъ духовенству новгородской епархіи для свѣдѣнія.

ДВИЖЕНІЕ И ПЕРЕМѢНЫ ПО СЛУЖБѢ.

На праздное діаконское мѣсто къ Наговской церкви опредѣленъ окончившій курсъ ученія въ новгородской духовной семинаріи Вячеславъ *Савицкій*, 4-го апрѣля.

Псаломщикъ Преображенской Михайловской церкви, череповецкаго уѣзда, Алексѣй *Амассійскій*, по прошенію, уволенъ за штатъ и на его мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ ученія въ нѣлободовскомъ сельскомъ училищѣ, кирилловскаго уѣзда, Петръ *Албовъ*, 20-го марта.

На праздное псаломщическое мѣсто къ Лѣшенской церкви, старорусскаго уѣзда, опредѣленъ уволенный изъ 1-го класса новгородской духовной семинаріи Павелъ *Георгіевскій*, 2-го апрѣля.

Резолюціей Его Высокопреосвященства, псаломщикъ Боролицинской церкви, кирилловскаго уѣзда, Петръ *Стефановскій*, перемѣщенъ на таковую же вакансію къ Корбозерской церкви, бѣлозерскаго уѣзда, а на его мѣсто къ Боролицинской церкви опредѣленъ священнической сынъ Петръ Николаевъ *Стефановскій*, 7-го апрѣля.

ПРАЗДНЫЯ ВАКАНСІИ.

Священническая вакансія состоитъ праздною при Успенской Вадбольской церкви, бѣлозерскаго уѣзда.

Діаконскія: При Ручьевской и Устволенской—крестецкаго уѣзда; Голинской, Струпинской, Кривинской и Лутско-Георгіевской—новгородскаго уѣзда; Соловьевской—старорусскаго уѣзда; Миницкой и Кобоужской—боровичскаго уѣзда и Заболотской—бѣлозерскаго уѣзда.

Псаломщическая—при Кирилловской градской Вознесенской церкви.

ДЕНЕЖНЫЯ ПОСТУПЛЕНІЯ.

За высланныя обыскныя и метрическія книги и бланковые листы.

Отъ благочинныхъ при рапортахъ: П. Граціанова за № 69—7 руб. 25 коп.; А. Смирнова за № 44—7 руб. 25 коп.; В. Третинскаго за № 22—5 руб.; К. Никольскаго за № 42—16 руб. 50 коп.; В. Туберозова за № 89—1 руб. 25 к.; З. Бѣлолицова за № 47—13 руб. 75 коп.; К. Омина за № 45—5 руб. Отъ священниковъ: А. Борисова за № 10—1 рубль и І. Осницкаго за № 30—7 руб. 25 коп. Отъ причта Селищской церкви крестецкаго уѣзда за № 35—5 руб. Отъ архимандритовъ: Іоанникія за № 27—5 руб.; Амвросія—66 коп.; Мелетія за № 30—33 коп. и Веніамина за № 55—22 коп. и отъ игуменіи Антонины за № 43—9 рублей.

Редакторъ официальной части *Х. Поповъ*.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Воскресеніе Христово—знаменіе нашего будущаго воскресенія.

(Св. Григорія Двоеслова).

И многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа. Мы имѣемъ уже надежду на воскресеніе наше, взирая на славу Главы нашего, Господа Иисуса Христа. Но, чтобы кто-нибудь и нѣсколько не усумнился даже въ мысляхъ своихъ, и не подумалъ, что Господь потому воскресъ, что былъ вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ (какъ Богъ Онъ побѣдилъ смерть, которую подъялъ какъ человѣкъ), а мы какъ обыкновенные люди не можемъ освободиться отъ осужденія смерти; для сего, во время воскресенія Своего Онъ воскресилъ тѣлеса многихъ святыхъ, чтобы въ Своемъ воскресеніи показать образъ, а воскрешеніемъ другихъ, подобныхъ намъ человѣковъ, утвердить надежду нашего воскресенія. Теперь, если бы человѣкъ не надѣялся воспріять то, что явилъ въ Себѣ Богочеловѣкъ; то долженъ увѣриться, что несомнѣнно произойдетъ то же и съ нимъ, что совершилось въ другихъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, были такіе же люди. Есть впрочемъ и теперь такіе мало-вѣры, которые, видя,—какъ духъ разрѣшается отъ плоти, какъ плоть предается тлѣнію, какъ тлѣніемъ превращается въ прахъ, какъ прахъ до того измельчается и разрѣшается на свои начала, что становится не примѣтнымъ для глаза,—сомнѣваются въ возможности воскресенія; и когда видятъ голыя и сухія кости, не вѣрятъ, чтобы онѣ опять облеклись плотію и ожили для жизни. Но, если не хотятъ вѣровать воскресенію изъ повиновенія слову Божію, должны повѣрить хотя собственному разуму. Ибо что являетъ намъ ежедневно міръ, какъ не образъ нашего воскресенія? Мы видимъ каждодневно, что временный сей свѣтъ

какъ бы умираетъ. когда наступаетъ ночь, и какъ бы воскресаетъ опять, когда разсвѣтается ночной мракъ. Видимъ также, какъ, въ извѣстное время года, деревья сбрасываютъ съ себя свой зеленый покровъ, остаются голы и бесплодны; и вотъ при наступленіи весны, какъ бы при наступленіи дня воскресенія, на голыхъ вѣтвяхъ развертываются листы, вырастаютъ цвѣты и плоды, и ожившее дерево является во всей красѣ своей. Непрестанно видимъ, какъ изъ малыхъ древесныхъ сѣмянъ, вѣранныхъ землѣ, вырастаютъ большія деревья, украшенные листьями и плодами. Разсмотри же малое сѣмя, которое ввергается въ землю, и изъ котораго вырастаетъ потомъ какое-либо дерево, и изъясни, если можешь, гдѣ въ такомъ маломъ сѣмени скрывалось выросшее изъ него столь огромное дерево, гдѣ корень, гдѣ древесина, гдѣ кора, гдѣ зелень листовъ, гдѣ красота и вкусъ плодовъ? Было ли видно что-либо похожее въ сѣмени, когда бросали его въ землю? И однако же, по чудному устройенію Зиждителя всяческихъ, и въ мягкости сѣмени скрывалась жестокость коры, и въ нѣжности его—крѣпость древесины, въ сухости—обиліе плодоношенія. Что жъ удивительнаго, если и мельчайшій прахъ, когда восхощетъ, образуетъ въ человѣка. Тотъ, Кто изъ малѣйшихъ сѣмянъ произращаетъ величайшія деревья? Будучи созданы разумными, мы должны бы были чрезъ разсмотрѣніе окружающихъ насъ тварей увѣряться въ собственномъ воскресеніи и безсмертіи; но поелику разумъ нашъ притупѣлъ и помрачился, то является въ помощь благодать Искупителя. Приходитъ къ намъ Самъ Творецъ, подъекаетъ смерть, являетъ воскресеніе, чтобы мы, не могшіе убѣдиться разумомъ въ истинѣ воскресенія, убѣдились Его примѣромъ. Но для вразумленія нашего невѣжества, для укрѣпленія нашей немощи Господь нашъ благоволилъ явить намъ примѣръ воскресенія не только Своего, но и многихъ. Ибо одинъ Онъ умеръ на крестѣ, но не одинъ воскресъ, а *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа*. Теперь отъяты всѣ предлоги невѣрія. Дабы не сказалъ кто: „не можетъ ожидать себѣ человѣкъ того, что явилъ во плоти Своей Богъ“; вотъ съ Богочеловѣкомъ воскресаютъ тѣ, о коихъ не можемъ сомнѣваться, что они были подобные

намъ человѣки. Итакъ, если мы члены нашего Испу-
пителя, то можемъ ожидать того же, что совершилось
въ Главѣ; должны по крайней мѣрѣ ожидать того же,
что совершилось въ другихъ, бывшихъ прежде насъ,
членахъ.

СВЯТАЯ ПАСХА

ВЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ ЧИНОПОСЛѢДОВАНІИ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ! — Какая душа хри-
стіанская можетъ остаться равнодушною и без-
чувственною при праздничномъ чествованіи сего
событія! Какое другое благовѣстіе св. церкви
возбуждаетъ въ насъ большую радость, чѣмъ ра-
дость о св. праздникѣ Пасхи? Какой часъ года болѣе
вдохновляетъ насъ, чѣмъ воскресная пасхальная пол-
ночь? Съ какими другими минутами, проведенными въ
храмѣ Божіемъ, связано у христіанина столько же са-
мыхъ свѣтлыхъ, чистыхъ и всегда живыхъ воспоми-
наній и чувствъ, какъ съ богослуженіемъ пасхальнымъ?
Если когда христіанское сердце бываетъ всего болѣе
возвышенно настроено, чуждо разнаго рода земныхъ и
низменныхъ интересовъ, а тѣмъ болѣе чуждо всего
грѣховно-преступнаго, если когда оно напротивъ бы-
ваетъ всего глубже исполнено священнаго духовнаго
содержанія, то это именно въ минуты величественнѣй-
шаго пасхальнаго богослуженія, когда христіанскій во-
сторгъ захватываетъ душу человѣка всецѣло и господ-
ствуетъ въ ней надъ всѣми другими ея мыслями, чув-
ствами и движеніями. Все это давно знакомо каждому
изъ насъ, знакомо съ дѣтства и повторяется съ нами
лишь однажды въ году—въ свѣтлый Христовый пас-
хальный день. Нѣсколько разъ я прислушивался среди
величественнѣйшей пасхальной полночи къ торжествен-
ному церковному колокольному звону и всегда-то мнѣ
въ немъ слышалась новая музыка, новый хоръ ликую-
щихъ голосовъ. Всякій разъ предо мною разливался

какъ бы цѣлый безконечный міръ побѣдныхъ звуковъ, которые дѣйствуя и на слухъ и на душу, напоминаютъ каждому человѣку, что въ эти минуты все соединилось и слилось въ чудный согласный ликъ, радостно воспѣвающій воскресшаго изъ мертвыхъ Господа.

Есть люди, грубые сердцемъ, холодные по своимъ чувствамъ, мрачно настроенные въ своей душѣ; большинство изъ нихъ не вѣруютъ въ Бога и во все божественное; но и ихъ нерѣдко общее торжество всего христіанскаго міра въ Христовъ день растрогиваетъ и смягчаетъ, вливаетъ въ душу свѣтъ и миръ; даетъ и имъ ощутить сладость простоты вѣры и общенія сердца съ Богомъ. И сколь многіе изъ нихъ, увлеченные потокомъ этого общаго христіанскаго одушевленія въ св. пасху, глубоко задумывались надъ своею духовною разобщенностію съ прочимъ вѣрующимъ міромъ, поняли и оцѣнили горькіе плоды своего невѣрія, осудили и оставили его навсегда. А что сказать о тѣхъ, которые привыкли встрѣчать день свѣтлаго Христова воскресенія въ простотѣ искренней, сердечной вѣры, въ чувствѣ общенія своего съ Богомъ и съ св. церковію, съ религіознымъ одушевленіемъ, а не съ холодностію и безразличіемъ? Для нихъ Христовъ день особенный день, въ который забываются всякія горя и печали, въ который они въ восторженной религіозной радости обновляются душею, какъ будто-бы святыи Христовъ праздникъ вливаетъ въ ихъ притокъ новыхъ свѣжихъ духовныхъ силъ.

Но гдѣ же причина такого могучаго и глубоко трогачаго дѣйствія на всѣхъ праздника св. пасхи? Гдѣ источникъ того всеобщаго восторженнаго одушевленія, одушевленія особеннаго, единственнаго, исключительнаго, которое охватываетъ насъ въ день св. пасхи? Намъ кажется, что въ эту полноту возвышенной духовной жизни, въ это богатство священной духовной радости вводитъ насъ характеръ самаго событія свѣтлаго Христова воскресенія и тотъ православный именно тонъ празднованія его, который мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, только лишь на святой православной Руси, празднованія, наиболѣе глубоко и живо и поучительно выражающаго смыслъ и великое значеніе дня жизнерадостнаго воскресенія Христова. Пусть далеко

не всеми ясно и полно сознается мыслию царственное значеніе пасхальнаго дня, какъ праздника праздниковъ и торжества торжествъ, но во всякомъ случаѣ оно всеми православными людьми живо чувствуется и переживается, чувствуется и переживается и въ тѣхъ умирительныхъ дняхъ, которыми мы подготовляемся къ св. Пасхѣ, страстной седмицы и въ торжественной особенноти встрѣчи самого праздника, въ необычайной обстановкѣ единственнаго въ своемъ родѣ богослуженія пасхальнаго, въ тѣхъ священныхъ гимнахъ и пѣсняхъ, которыми православная церковь привѣтствуетъ и восхваляетъ воскресшаго изъ мертвыхъ Господа, и наконецъ, оно чувствуется и переживается и въ тѣхъ, освященныхъ вѣками, обычаяхъ и обрядахъ, которыми ни одинъ изъ всѣхъ другихъ праздниковъ церковныхъ не богатъ и не величественъ столько же, сколько праздникъ св. пасхи.

Сравнимъ для ясности дѣла съ характеромъ православнаго празднованія св. пасхи хотя бы празднованіе пасхи католиками въ Римѣ. Тамъ чествованіе воскресенія Христа начинается съ полдня субботы, въ церкви св. Петра; въ это время съ крѣпости св. ангела стрѣляютъ изъ пушекъ, народъ по городу стрѣляетъ изъ ружей и пистолетовъ и превращаетъ величественнѣйшія минуты праздника въ забавную потѣху. Ночь подъ свѣтлое воскресеніе ничѣмъ не отличается у католиковъ отъ обыкновенныхъ ночей и проводится обычно въ снѣ. Въ воскресеніе папа, окруженный кардиналами и другими знатнѣйшими особами, служить въ церкви св. Петра обѣдню, послѣ которой преподаетъ изъ окна народу благословеніе, а вечеромъ освѣщается храмъ св. Петра, который тогда снизу до верху покрытъ бываетъ огнемъ. Въ народѣ — нетерпѣливсе ожиданіе чего-то особеннаго. Вотъ раздается троекратный звукъ колокола; сердца всѣхъ вздрогнули радостно; въ толпѣ шумъ, рукоплесканія, слышатся разные молитвенные возгласы: „слава тебѣ Боже“, „радуйся Маріе“ и проч. и взоры всѣхъ устремляются на крестъ, который весь залитъ и пылаетъ огнемъ; куполь, фронтоны и колонны храма — все потонуло въ огненномъ мірѣ освѣщенія. Въ понедѣльникъ свѣтлой недѣли, предъ полуночью, сожигается въ крѣпости св. ангела фейерверкъ, тоже и во вторникъ; этимъ

и оканчивается торжество пасхи. Рѣзко бьющая въ глаза пышность внѣшней обстановки, рассчитанной на искусственное впечатлѣніе, поражающее чувство черни и бѣдной внутреннимъ назидательно-поучительнымъ смысломъ, таковъ основной тонъ римско-католическаго празднованія пасхи и можетъ ли оно сравниться съ минутами православной воскресней полночи?

Интересны въ этомъ отношеніи наблюденія и замѣтки нашего русскаго путешественника Фонъ-Визина о празднованіи католиками страстной седмицы и пасхи. Я, говоритъ онъ, могъ въ страстную и святую недѣлю не пропускать ни одной функціи (службы). Изъ нихъ многія весьма замѣчательны, а другія походятъ совершенно на комедію, составленную для простаго народа. Вербное воскресенье есть первый день духовной церемоніи. Поутру въ девять часовъ въ Сикстовой церкви папа роздалъ вербы кардиналамъ, съ которыми около церкви была процессія. Потомъ одинъ изъ кардиналовъ служилъ обѣдню. Музыка была вокальная, потому что инструментальной при самомъ папѣ не бываетъ. Въ сей день въ церкви св. Петра всѣ образа закрываютъ черными занавѣсами, что дѣлаетъ видъ печальный и, кажется, что красота храма помрачается съ наступленіемъ дней печальныхъ.

Въ понедѣльникъ и вторникъ страстной недѣли не было ничего примѣчательнаго. Но въ среду послѣ обѣда была функція въ Сикстовой церкви. Папа не присутствовалъ. Служба началась плачемъ іереміинымъ. Одинъ голосъ болѣе читалъ, нежели пѣлъ; сіе заунывное чтеніе продолжалось долго и подлинно на плачь походило. Потомъ одинъ за другимъ въ три голоса читали страстное евангеліе, одинъ читалъ слова Христовы, другой того, съ кѣмъ Онъ бесѣдовалъ, а третій историческую часть Евангелія; народныя же рѣчи пѣлъ весь хоръ... Наконецъ погасили въ церкви всѣ свѣчи; сдѣлалось глубочайшее молчаніе; всѣ стали на колѣни и пѣвчіе начали пѣть славный *miserere*... Вечеромъ смотрѣлъ я слѣдующую церемонію: въ превеликой залѣ поставлены возлѣ стѣны возвышенныя лавки, на которыхъ посажены были больные нищіе. Нѣсколько кардиналовъ и знатнаго духовенства умывали имъ ноги, обрѣзывали ногти, перевязывали больнымъ раны и наконецъ, поцѣловавъ ноги, давали имъ милостыню. Между тѣмъ какъ сіе происходило, въ другой такой же залѣ былъ ужинъ для нищихъ, коимъ служили тринадцать кардиналовъ, съ помощію духовенства.

Въ третьей залѣ нище женскаго пола ужинали, имѣя услугу отъ здѣшнихъ принцессъ и другихъ знатныхъ дамъ.

Въ четвергъ въ восемь часовъ по утру была обѣдня въ присутствіи папы въ Сикстовой цевкви, изъ которой потомъ онъ вынесъ свята Тяны въ Capelle Pauline съ большою церемонією. Потомъ папа изъ средняго окна или ложи св. Петра показался стоящему на площади народу; сперва произнесъ онъ проклятiе намъ грѣшнымъ, т. е. всѣмъ, не признающимъ его вѣру за правую, а потомъ далъ народу благословеніе... Потомъ было омовеніе ногъ тринадцати пилигримамъ, отправленное самимъ папою. Онъ мылъ сперва ногу, потомъ поцаловавъ ее, подавалъ полотенце, милостыню или дарилъ пилигриму, на сей случай сдѣланную картину. По окончаніи сей церемоніи смотрѣли мы обѣдъ тѣхъ же самыхъ пилигримовъ, которымъ служилъ папа съ великимъ смиреніемъ... Послѣ обѣда была также служба, что и въ среду, но въ присутствіи папы. Оттуда мы ѣздили во всѣ лучшія церкви смотрѣть плащаницы, изъ которыхъ одна другой была великолѣпнѣе. Часу въ девятомъ вечера мы были опять въ церкви св. Петра. Сто лампадъ, обыкновенно день и ночь горящихъ передъ гробомъ апостоловъ, равно какъ и всѣ свѣчи нарочно были погашены. Сей преогромный храмъ, обвѣшенный—чернымъ, освѣщаемъ былъ однимъ повѣшеннымъ въ срединѣ церкви большимъ и великолѣпно иллюминированнымъ крестомъ въ знакъ того, что во время страдальческой Христовой кончины, церковь его весь свой свѣтъ не могла заимствовать не отъ чего иного, какъ отъ единого креста... Народу было премножество; во всѣхъ приличныхъ мѣстахъ сидѣли живописцы и рисовали архитектурныя перспективы, происходившія отъ сего освѣщенія.

Въ пятницу поутру отправляема была кардиналомъ обѣдня въ присутствіи папы, послѣ которой онъ босыми ногами подошелъ ко кресту и упавъ предъ нимъ на землю, къ нему приложился; ибо крестъ положенъ былъ на полъ; кардиналы и духовенство сдѣлали тоже; послѣ обѣда была обыкновенная вечерня; а оттуда папа ходилъ въ церковь св. Петра, гдѣ, какъ вчера, одинъ крестъ освѣщалъ всю церковь. Папа сталъ со всѣмъ народомъ на колѣни, а одинъ изъ кардиналовъ вынесъ на высокій балконъ часть истиннаго креста, истинный нерукотворенный образъ и конь, коимъ ребро Христово было уязвлено воинномъ . . . Наконецъ папа отошелъ и тѣмъ сей вечеръ кончился.

Въ великую субботу, въ самый полдень, пушечный выстрѣлъ

съ крѣпости св. ангела далъ знать, что Христосъ воскресъ. Я думалъ, что народъ въ ту минуту съ ума сошелъ. По всѣмъ улицамъ сдѣлался крикъ преужасный. Со всѣхъ дворовъ началась стрѣльба и самые бѣдные люди на всѣхъ улицахъ, набивъ горшки порохомъ, стрѣляли. По всѣмъ церквамъ начался колокольный звонъ, который дня три уже не былъ слышенъ, ибо вмѣсто колоколовъ въ сіе печальное время зывали народъ въ церкви трещетками, какъ у насъ на пожаръ. Нобычная радость продолжалась съ часъ, потомъ всѣ по немногу успокоились и до другого дня во всемъ городѣ была такая тишина, какъ на страстной недѣлѣ.

Въ свѣтлое воскресеніе папа служилъ обѣдню въ церкви св. Петра. Онъ въ сей церкви служить только четыре раза: въ Рождество, въ Свѣтлое Воскресеніе, въ Троицынъ день и въ Петровъ день. Служеніе его весьма великолѣпно, но сіе великолѣпіе не происходитъ изъ святости отправляемаго дѣйствія: оно походитъ болѣе на свѣтское торжество, нежели на торжественное богослуженіе. Я видѣлъ болѣе государя, нежели первосвященника, — болѣе придворныхъ, нежели духовныхъ учениковъ. Знатнѣйшія здѣшнія особы, кардиналы служатъ ему со всѣмъ рабскимъ униженіемъ, и минуту спустя, отъ подчиненныхъ своихъ со всею гордостію требуютъ рабскаго предъ собою униженія. Вообще сказать, папская служба есть ни что иное, какъ обожаніе самого папы; не папа приходитъ къ престолу причащаться, но, освятя св. Дары, носятъ ихъ къ нему на тронъ, а онъ на встрѣчу къ нимъ ни шагу не дѣлаетъ. Послѣ обѣдни посадили его на кресла и понесли на верхъ къ тому среднему окну, изъ котораго онъ въ четвергъ на страстной недѣлѣ давалъ народу благословеніе, и нынѣ повторялъ то же. Чрезвычайное пространство площади св. Петра и великолѣпная колоннада, безчисленное множество народа, который, увидѣвъ папу, становится на колѣна, глубокое молчаніе предъ благословеніемъ, за которымъ тотчасъ слѣдуетъ громъ пушекъ и звонъ колоколовъ и самое дѣйствіе, словомъ все въ восхищеніе приводитъ.

Но сравнивая папскую службу съ нашею архіерейскою, нахожу я нашу несравненно почтеннѣе и величественнѣе. Здѣшняя слишкомъ театральна и, кажется, мало имѣетъ отношенія къ прямой набожности. Папа, носимый на креслахъ на плечахъ людскихъ, чрезвычайно походитъ на оперу: „*Китайскій идолъ*“. Мирное цѣлованіе, которое даетъ онъ первому кардиналу, сей другому, а другой третьему и наконецъ проходитъ черезъ все

духовенство, похоже на электризацию, которая отъ паны до послѣдняго попа доходитъ уже весьма слабо. Папская гвардія, во время обѣдни, въ шляхахъ и съ алебардами, окружающая престолъ, на которомъ приносится жертва Богу, отнимаетъ всякую идею, чтобы тутъ жертва Богу была *духъ сокрушенъ* и показываетъ только духъ папскаго любоначалія. (Письма изъ путешествія, стр. 323—328 и 462—464, сочиненій Фонъ-Визина. С.-Пб. 1852 г.).

Не говоримъ уже о богослуженіи протестантскомъ сухомъ, монотонномъ, блѣдномъ и безцвѣтномъ. Перейдемъ къ нашей пасхѣ.

Мы празднуемъ воскресеніе Христова въ полночь частью на основаніи свидѣтельства св. апостоловъ, что Спаситель воскресъ „зѣло рано“ „еще сущій тьмѣ“, частью же въ ознаменованіе того, что силою воскресенія Христова возсіялъ изъ мрака смерти вѣчный свѣтъ жизни для рода человѣческаго. Для срѣтенія Господа мы въ полночь же собираемся въ церковь. Здѣсь мы еще видимъ плащаницу, слышимъ еще тѣ же надгробныя пѣнія, которыя раздавались въ храмѣ и наканунѣ,—пѣнія сѣтованія и печали апостоловъ и мироносиць. Но вотъ изъ мертваго безмолвія природы раздается вдругъ цѣлый необъятный міръ колокольных звуковъ, быстро перекатывающихся въ поднебесномъ пространствѣ, и кажется, все—и небо и земля пробудилось, встрепенулось и заволновалось для встрѣчи Господа. Безлюдныя и пустыя улицы и пути, дотолѣ безмолвныя и мертвыя,—покрываются народомъ и куда бы вы ни обратили своего вниманія,—вездѣ и все полно жизни, движенія, радости и счастья. Наконецъ въ храмѣ, залитомъ огнями, отворяются царскія врата и въ сіяющихъ свѣтлыхъ облаченіяхъ священнослужители выходятъ первыми вѣстниками всемірной радости воскресенія Господня: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси“! На встрѣчу воскресшему Спасителю міра они идутъ съ хоругвями, крестами, съ курящимся оміагомъ, а за ними и весь народъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ, подобно сіяющей радостью невѣстѣ, идущей во срѣтеніе жениха своего. Что можетъ быть священнѣе и величественнѣе этого шествія? Обошедши храмъ, всѣ оста-

навливаются предъ затворенными дверьми храма, какъ бы предъ затворенными дверьми гроба Христова, отъ котораго еще не отваленъ камень и сладостные звуки священной пѣсни: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“; повергаютъ каждое христіанское сердце въ невыразимый благоговѣйный трепеть.

Уже это самое начало пасхальнаго богослуженія и величественно и глубокосодержательно и трогательно. Но кому изъ православныхъ людей не извѣстно, сколь превосходна и торжественна пасхальная утренняя, какое обиліе высокаго духовнаго содержанія и чувства вливаетъ она въ душу, какъ восторженны и высокохудожественны всѣ ея пѣснопѣнія и молитвословія, сливающіяся между собою въ одинъ стройный и звучный аккордъ радости. Храмъ полонъ благоговѣйно настроеннаго народа, залитъ и горитъ весь символомъ духовнаго свѣта и радости—огнемъ отъ множества свѣчей предъ св. иконами и тѣхъ, что держать въ рукахъ молящіяся; отверстыя во всѣхъ алтаряхъ царскія двери, знаменующія собою открытіе для насъ Христовымъ воскресеніемъ дверей рая; священнослужители со св. крестомъ и съ возженнымъ трехсвѣчникомъ въ рукахъ, въ убранныхъ богатыхъ облаченіяхъ, при каждой пѣсни канона обходящіе съ оміамомъ весь храмъ, какъ небесные вѣстники Христова воскресенія, показывающіеся народу и привѣтствующіе его возгласами „Христосъ воскресъ“; наконецъ шумные, массовые отвѣтные возгласы всѣхъ молящихся: „во истину воскресъ“, —кого незатрогивало все это и оставляло равнодушнымъ? Въ особенности же глубоко трогателенъ на утрени всѣмъ извѣстный торжественный пасхальный канонъ, представляющій по содержанію своему ничто иное, какъ одинъ длинный восторженный, восхищающій душу гимнъ въ честь славнаго воскресенія Господня и величія воскресшаго Спасителя.

Канонъ этотъ есть по истинѣ высокое художественное, поэтическое произведеніе и могуче дѣйствуетъ на душу. Принадлежитъ творчеству извѣстнаго „*Златоточиваго*“ пѣснопisca—св. Іоанна Дамаскина, онъ однако изъ всѣхъ другихъ каноновъ сего святаго мужа выдѣляется своими величественными и сильными об-

разами и выраженіями, искусными и разительными оборотами рѣчи и сочетаніемъ словъ, живыми и быстрыми переходами мыслей, блестящею необыкновенною силою и возвышенностію чувства и всѣмъ этимъ невольно настраиваетъ и располагаетъ душу къ самому высокому священному духовному восторгу. Самое исполненіе этого канона—необычное и особенное, не чрезъ чтеніе тропарей—а чрезъ послѣдовательное пѣніе ихъ торжественнымъ и радостнымъ 1-мъ гласомъ, съ припѣвомъ при каждомъ стихѣ: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“, при вожденныхъ свѣчахъ молящихся съ каждениемъ священника служителей при каждой пѣсни еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе и наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ выдающемуся торжеству праздника.

Но мы обратимся къ содержанію пасхальнаго канона. Святая православная церковь въ богослуженіи своемъ стремится главнымъ образомъ къ духовно-нравственному назиданію вѣрующихъ. О пасхальномъ канонѣ мы должны сказать то же самое. Онъ не только затрогиваетъ нашу чувствительность, не только поражаетъ нашъ слухъ блескомъ и звучностью своей формы, но и вводитъ сознаніе наше въ духъ и смыслъ самаго праздника воскресенія Христова, заставляетъ насъ всесторонне пережить душою и понять это событіе, обрисовывая и изъясняя въ самыхъ яркихъ и выразительныхъ картинахъ то значеніе, которое оно имѣетъ для насъ и для нашего спасенія. Канонъ пасхальный представляетъ собою выдающееся произведеніе церковной словесности не только со стороны пышности своей внѣшней формы, но и по своимъ внутреннимъ достоинствомъ, по силѣ и глубинѣ заключающихся въ немъ мыслей, по возвышенности и богатству своего содержанія. Указавъ въ 1-й пѣсни какъ бы тему для всѣхъ другихъ пѣсней канона, какъ пѣсней о днѣ воскресенія, о пасхѣ Господней, пасхѣ, приведеніи насъ отъ смерти къ жизни, отъ земли къ небеси чрезъ Христа Бога, св. пѣснописецъ съ самыхъ различныхъ сторонъ представляетъ предъ своимъ мысленнымъ вдохновеннымъ взоромъ это радостное событіе и исчерпывая его вполне, своею живою и выразительною обрисовкою, вводитъ и насъ въ непосредственное созерцаніе его во всей важ-

ности и величіи. Онъ то восторженно изумляется предъ воскресеемъ Спасителя, какъ величайшемъ изъ всѣхъ чудесныхъ событій, то устремляется къ виновнику торжества—Христу и съ благоговѣніемъ созерцая проявившуюся въ воскресеніи божественную Его славу, восклицаетъ: „о, пасха велія и священнѣйшая, Христе, о мудросте, и слове Божіи и сило“! То пересматриваетъ всѣ величайшія радостныя послѣдствія для насъ воскресенія и говоритъ: „смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало“... или „вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесъ, своскресшу Тебѣ, сраспинахся Тебѣ вчера, Самъ мя спрослави Спасе, во царствіи Твоемъ“. Однимъ словомъ, пѣснописецъ выставляетъ воскресеніе Господа источникомъ всѣхъ нашихъ высшихъ духовныхъ радостей, основою нашего спасенія, утвержденіемъ нашей вѣры, залогомъ безсмертія и райскаго блаженства, славой церкви. Все для человѣчества отрадное, свѣтлое, жизнерадостное—такъ или иначе связано съ этимъ событіемъ или отъ него исходитъ; и не только для человѣчества столь важно воскресеніе, но и для неба и его святыхъ обитателей, и для земли, со всею ея тварью, и для самой преисподней, съ заключенными въ ней узниками, освобожденными воскресимъ Христомъ изъ подъ вѣчныхъ верей (заключень) ада. „Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же, и земля и преисподняя: да празднуеть убо вся тварь возстаніе Христово, въ немже (т. е. на которомъ она) утверждается“. И созерцая все это, св. пѣснописецъ едва находитъ достаточно красокъ, чтобы выразить въ словѣ величіе торжества воскресенія. „Яко воистинну священная и всепразднственная сія спасительная нощь, и свѣтозарная, свѣтоноснаго дне востанія суци провозвѣстница, въ ней же безлѣтнѣй свѣтъ изъ гроба плотски всѣмъ возсія“. А о самомъ днѣ воскресенія восклицаетъ: „сей нареченный (именитый) и святой день, единственный (день), царь и господинъ субботъ, праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ, въ онъ же благословимъ Христа во вѣки“. Вдохновленный чувствами высокаго священнаго восторга предъ необъятными благами воскресенія, св. пѣснописецъ призываетъ всѣхъ и все къ веселію и торжеству и обращается то къ живущимъ на землѣ лю-

дямъ, приглашая ихъ очистить чувства, просвѣтиться духовно, узрѣть Христа, сіяющаго непреступнымъ свѣтомъ воскресенія и насладиться новаго питія, новаго винограда рожденія (плода), новаго пиршества вѣры въ царствѣ Христовомъ и играюще воспѣть виновнаго (Христа), единаго благословеннаго Отцевъ Бога и препрославленнаго; то ко всей вселенной, къ небесамъ, землѣ и ко всей твари, и возмашаетъ: „небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ же мѣръ видимый же весь и невидимый, Христосъ бо воста, —веселіе вѣчное“, —то къ небожителямъ—ангеламъ и къ заключеннымъ въ темницахъ ада ветхозавѣтнымъ узникамъ, и говоритъ: безмѣрное твое благоутробіе адовыми узами содержимии зряще, къ свѣту идяху, Христе веселыми ногами, пасху хваляще вѣчную. И вотъ своимъ мысленнымъ взоромъ пѣснописецъ созерцаетъ величественнѣйшую картину всеобщаго ликованія неба и земли, всей церкви Божіей и земной воинствующей и небесной—торжествующей съ пречистою Богородицею во главѣ—картину, торжества всей твари, которую онъ и передаетъ слушателямъ въ самыхъ сильныхъ и выразительныхъ чертахъ: „Свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися Сіоне: ты же чистая красуйся (радуйся) Богородице о возстаніи рождества твоего“.

Какъ бы еще для большаго усиленія впечатлѣнія, пѣснописецъ вызываетъ предъ слушателями величавые ветхозавѣтные прообразы торжественнаго событія воскресенія, съ тѣмъ, чтобы чрезъ нихъ возможно нагляднѣе пояснить, сколь должна быть высока и совершенна новозавѣтная наша радость о воскресеніи Господа, —то обращается съ этою же цѣлью къ природѣ и указываетъ на нѣкоторыя особенно жизнерадостныя явленія ея для насъ, —дабы путемъ аналогіи возбудить въ душѣ слушателей мысль о тѣмъ сильнѣйшей и высокой радости, —радости воскресенія Господа; наконецъ переходитъ къ новозавѣтной исторіи и изъ нея выбираетъ для слушателей нѣсколько наиболѣе яркихъ примѣровъ восторженной радости о воскресеніи Христовомъ.

Изъ ветхаго завѣта пѣснописецъ припоминаетъ прежде всего радость древняго Израиля, о Моисеѣ,

источившемъ чудесно воду изъ камня и говорить, что тѣмъ совершеннѣе должна быть радость новаго Израиля, имѣющаго пить питіе новое, чудесно изведенное не изъ бесплоднаго камня, но изъ гроба Христа—источника нетлѣнія; вспоминаетъ Аввакума пророка, нѣкогда стоявшаго на камени на стражѣ своей и созерцавшаго божественное видѣніе (Авв. 2, 1) и говорить, что нынѣ при торжествѣ неба, съ этой божественной стражи своей онъ зреть и можетъ повѣдать намъ лишь о торжествѣ небожителей, можетъ показать намъ ангела, ясно глаголюща: „днесъ спасеніе міру, яко воскресе Христосъ, яко всесилень“,—вспоминаетъ древнюю ветхозавѣтную пасху, ветхозавѣтнаго однолѣтнаго агнца пасхальнаго, нѣкогда съ радостію вкушаемаго евреями при выходѣ изъ Египта,—изъ дома работы и говорить: и сколь современна „наша пасха—Христосъ, явившійся человѣкомъ мужскаго пола, какъ разверзшій дѣвственную утробу, — названный агнцемъ, ибо волею за всѣхъ закланъ бысть въ очистительную пасху; — непорочнымъ, ибо не вкусилъ скверны и совершеннымъ, ибо Онъ истинный Богъ“; вспоминаетъ далѣе пѣснописецъ, какъ Богоотецъ и пророкъ Давидъ предъ прообразовательнымъ ковчегомъ завѣта „скакаше играя“ и тѣмъ паче, говорить онъ, —мы святой Божій народъ, событіе образовъ (т. е. исполненіе прообразовъ) зряще, свеселимся божественнѣ, яко воскресе Христосъ, яко всесилень“.

Изъ образовъ природы св. пѣснописецъ останавливается на всѣмъ извѣстныхъ явленіяхъ—наступленія свѣта послѣ мрачной ночи, весенняго пробужденія природы подъ живоносными и теплыми лучами солнца послѣ періода зимняго ея омертвѣнія и подобно многимъ другимъ св. отцамъ,—считая ихъ знаменіями нашего духовнаго возрожденія, говорить, что если мы съ радостію привѣтствуемъ эти событія въ природѣ, то тѣмъ съ высшею радостію должны отнести къ свѣтозарной ночи воскресенія Христа, предвозвѣстницѣ свѣтоноснаго дня воскресенія, въ которую возсіялъ изъ гроба всѣмъ безлѣтний свѣтъ, наше красное солнце правды, всѣмъ жизнь давшее, —Христосъ Богъ, открывшій доступъ къ общенію съ Собою въ невечернемъ дни Своего небснаго царствія.

Но вотъ пѣснописецъ обращается къ новозавѣтной исторіи и для возбужденія своихъ слушателей указываетъ на ликующихъ о воскресеніи Господнемъ женъ-мироносицъ, спѣшившихъ съ благовоннымъ муромъ ко гробу Спасителя и со слезами искавшихъ Его „яко мертва“, но съ тѣмъ большею радостію поклонившихся Ему, — живому Богу, и пасху тайную апостоламъ возвѣстившихъ, и призываетъ и насъ въ подражаніе примѣру этихъ богомудрыхъ — встать въ глубокое утро воскресенія, выступить со свѣтильниками въ рукахъ въ срѣтеніе Христу, исходящему изъ гроба яко жениху и принести вмѣсто мѣла пѣснь Владыкѣ; — созерцаетъ пѣснописецъ, — какъ, узрѣвъ безмѣрное Христово милосердіе, содержимые въ адовыхъ узахъ — свободные текутъ веселыми ногами къ свѣту, пасху хваляще вѣчную, — и затѣмъ обращаясь къ земнороднымъ, призываетъ и ихъ къ сопразднованію тайной пасхи съ этими блаженными праведными, равно какъ и вообще со всѣми любопразднственными (т. е. восторженно празднующими) чинами ангельскими; и, наконецъ, восторгаясь общею картиною торжества воскресенія Христова — обращается къ Сіону, мѣсту земного пребыванія Господня, и восклицаетъ: „возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословящія Христа во вѣки“!

Таково содержаніе величественнѣйшаго пасхальнаго канона св. Іоанна Дамаскина. И формою своею и своимъ содержаніемъ канонъ этотъ одинаково въ совершенствѣ соответствуетъ величію пасхальнаго торжества и глубоко дѣйствуя на душу молящихся, возводитъ ее въ состояніе возвышеннѣйшаго христіанскаго восторга и въ то же время назидаетъ насъ, заставляя самымъ живымъ образомъ пережить внутренній смыслъ и значеніе событія Христова воскресенія, зрѣть его предъ собою во всей полнотѣ благотворнѣйшихъ его послѣдствій для насъ. Но помимо этого глубокаго догматическаго смысла канонъ пасхальный не чуждъ и чисто нравственнаго назидательнаго характера. Св. І. Дамаскинъ даже и въ эти минуты преимущественно восторженнаго и радостнаго состоя-

нія духа не оставляетъ слушателей безъ соотвѣтственнаго нравственнаго урока. Онъ и теперь призываетъ ихъ, какъ мы замѣтили выше, то къ духовному просвѣщенію и обновленію, то къ очищенію чувствъ, то къ возбужденію въ себѣ разнаго рода благочестивыхъ мыслей, историческихъ воспоминаній и т. п. Но это частности, которыхъ св. пѣснописецъ касается только лишь какъ бы мимоходомъ и отчасти, главнѣйшимъ же образомъ онъ назидаетъ нравственно слушателей инымъ путемъ. Вотъ онъ въ живыхъ и выразительныхъ краскахъ предноситъ и всегда держитъ предъ ихъ взорами величественный образъ Христа, сіяющаго непреступнымъ свѣтомъ воскресенія и описывая, сколько благъ явилъ намъ Онъ,—нашъ Жизнодавецъ, наше красное Солнце правды, наша великая и священнѣйшая очистительная Пасха, Источникъ нашего нетлѣнія, вѣчное веселіе наше и наша радость—чрезъ то невольно вдохновляетъ и превосполняетъ душу каждого самыми сердечными и глубочайшими чувствами благоговѣнія, безпредѣльной преданности и любви къ Нему,—Нашему Спасителю и живому совершенному Богу и держитъ молящихся въ этихъ чувствахъ на протяжении всего своего канона. Достигаетъ этой цѣли св. пѣснописецъ тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ совершенной степени проникнуть и одушевленъ этимъ благоговѣніемъ и этою любовью къ Воскресшему, а потому слово его зажигаетъ и сердца другихъ. Подобно древнимъ христіанамъ, Онъ весь во всѣхъ своихъ мысляхъ и чувствахъ горитъ пламенемъ этой любви и то постоянно обращается и взываетъ къ Спасителю въ самыхъ сердечныхъ нѣжныхъ и въ тоже время глубоко-достойныхъ выраженіяхъ, то пламенѣетъ чувствомъ неудержимаго влеченія къ Нему, потребностью вѣчнаго взаимнаго и блаженнаго общенія съ Нимъ, то возносить къ Нему молитвенные вопли о прославленіи и объ удостоеніи причастія благъ воскресенія въ царствѣ Своемъ, то, наконецъ, словословить Его какъ Всесовершеннаго и Всесильнаго, Бога какъ вѣчно пребывающаго съ нами Спасителя нашего, какъ опору и утвержденіе всѣхъ чаяній и надеждъ нашихъ. Спасе мой живое же и нежертвенное заколѣніе яко Богъ... о Самъ мя прослави, Спасе, во царствіи твоёмъ. О Пасха велія и

священнѣйшая, Христе! О мудросте и Слове Божіи и Сило! подавай намъ истѣ Тебе причащаться въ невечернемъ дни царствія Твоего. О Божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа! съ нами бо неложно обѣщанъ еси быти до скончанія вѣка, Христе: его же вѣрніи утверженіе надежды имуще, радуемся. И всѣ эти чувства онъ обильнымъ потокомъ вливаетъ въ сердца своихъ слушателей, возжигая въ нихъ пламень благоговѣйной любви къ Воскресшему Господу; и это первый высокій нравственный урокъ, высокое нравственное назиданіе, получаемое нами отъ пасхальнаго канона св. Дамаскина.

Но не менѣе духовно-назидателенъ этотъ канонъ и въ другомъ еще отношеніи. При слушаніи его невольно поражаешься не только силою и глубиною мысли св. пѣснописца, но и высотой ея полета. Вдохновенная свѣтлымъ торжествомъ Христова воскресенія душа пѣснописца какъ бы вовсе отрѣшается отъ обыденной житейской дѣйствительности, устремлена къ небу, въ міръ горній и созерцаетъ чудныя высокія картины изъ этого міра. Предъ взоромъ его то неприступный свѣтъ, которымъ сіяетъ Воскресшій Христосъ Спаситель, то дивное торжество небесъ и всего вообще невидимаго міра, съ обитателями его свѣтоносными ангелами, воспѣвающими вмѣстѣ съ землею и всею тварію видимаго міра воскресшаго изъ мертвыхъ Господа,—то чудная слава, которою преисполняетъ все воскресеніемъ своимъ Господь Христосъ, то вѣчная радость и вѣчное веселіе въ Христовомъ царствѣ, двери котораго св. пѣснописецъ воскресеніемъ Спасителя видитъ отверстыми, то предъ нимъ ликующій св. Сіонъ съ грядущими къ нему отъ сѣвера, и запада, и моря, и востока чадами, благословляющими Христа, то новый Иерусалимъ въ полномъ сіяніи славы Господней, то преисподняя земли и грядущіе къ свѣту адовы узники, хвалящіе пасху вѣчную,—то наконецъ зреть онъ облеченіе чрезъ Христа смертныхъ тѣлъ нашихъ въ благолѣпіе нетлѣнія, откровеніе новой блаженной жизни во Христѣ, приведеніе насъ отъ земли къ небу въ общеніе съ Воскресшимъ въ невечерній день Его славнаго царствія.

Всѣ эти восторженные картины, предносясь предъ сознаниемъ слушателей, глубоко трогаютъ сердца ихъ

возвышаютъ и окрыляютъ душу, и какъ бы приобщая ее свѣтлому горнему міру, отрѣшаютъ отъ всего низменно-земнаго и исполняютъ насъ самыми святыми и жизнерадостными чувствованіями. И это второй источникъ глубоко нравственно-назидательнаго значенія для насъ пасхальнаго канона. Такимъ обр. пасхальный канонъ св. Іоанна Дамаскина не только въ совершенствѣ соответствуетъ по силѣ и богатству своего содержанія свѣтлому Христову празднику, не только вполнѣ обнимаетъ и выразительнѣйшимъ языкомъ изъясняетъ для насъ смыслъ и значеніе его, но и производитъ на всѣхъ слушателей глубокое нравственно-назидательное воздѣйствіе. Поэтому и неудивительно, если въ православной церкви пасхальному канону придано необычное и столь почетное значеніе, и онъ занялъ въ пасхальномъ утреннемъ богослуженіи самую значительную часть его.

Переходя затѣмъ къ другимъ знаменательнѣйшимъ и трогательнымъ священнодѣйствіямъ пасхальной утрени, мы бы должны остановиться на чудномъ по своей трогательности, безсмертномъ по своей высокой художественности, глубинѣ и выразительности мысли, близко знакомомъ всѣмъ „Словѣ на пасху“ св. Іоанна Златоустаго; но въ такой бѣглой замѣткѣ, какъ наша, мы не позволяемъ себѣ даже и касаться этого драгоценнаго перла краснорѣчія Златоустаго отца церкви. Замѣтимъ лишь, что оно составляетъ самое лучшее дополненіе пѣсень пасхальнаго канона св. Іоанна Дамаскина, заставляя насъ чрезъ прямое, выразительное слово, пережить и прочувствовать тоже самое, что образно, въ картинахъ предноситъ сознанію нашему этотъ послѣдній т. е. преизобильное великими благами для всего челоувѣчества воскресеніе Христово, источникъ духовной радости и торжества всей твари.

Въ концѣ пасхальной утрени совершается трогательнѣйшій обычай, такъ называемаго „Христосованія“. Обычай этотъ столько же драгоцененъ для насъ, являясь священнымъ завѣтомъ глубокой христіанской древности, сколько и тѣмъ высокимъ знаменованіемъ, которое соединяется съ нимъ. Едва ли чрезъ какой либо иной обрядовой символъ болѣе совершенно выражается смыслъ свѣтлаго Христова дня воскресенія, какъ праздника общаго мира и примиренія, какъ именно чрезъ

этотъ, которымъ каждый изъ христіанъ призывается св. церквю соединиться въ радости о воскресеніи Господа истинными, самыми близкими узами, узами любви и братства со всеми другими людьми. Собственно обычай этотъ состоитъ изъ двухъ дѣйствій—изъ взаимнаго привѣтствія съ лобзаніемъ другъ друга и обмѣна окрашенными яицами. Первымъ мы выражаемъ христіанскую любовь другъ къ другу, сліяніе душъ, примиреніе даже и съ врагами нашими по случаю свѣтлаго Христова праздника, вторымъ воспроизводимъ древній священный обычай первенствующихъ христіанъ, символически изображающій знаменованіе Христова воскресенія и нашего собственнаго будущаго воскресенія. Оба эти дѣйствія одинаково нравственно поучительны для насъ. И прежде всего что касается перваго, то ничто столько ни святитъ дня свѣтлаго Христова праздника, какъ сердечная взаимная любовь христіанская другъ къ другу, любовь, безъ которой собственно говоря, не можетъ быть въ насъ и истиннаго, достойнаго христіанина праздничнаго настроенія. И вотъ эту то взаимную любовь другъ къ другу мы и выражаемъ своими пасхальными лобзаніями знаменуя въ дѣйствіи то, чему научаемся изъ словъ знакомой намъ священной церковной пѣсни: „Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обнимемъ; рцемъ, братіе и ненавидящимъ насъ, простимъ вся воскресеніемъ“... А въ первые вѣка христіанства, да и у насъ на Руси въ старину съ этимъ обычаемъ любви связаны были и другіе не менѣе важные и поучительные обычаи. Древніе христіане любили знаменоватъ день св. Пасхи разнаго рода богоугодными дѣлами: отворяли темницы и давали свободу менѣе важнымъ преступникамъ.

Константинъ Великій простиралъ свои милости не только на христіанскія, но и на цѣлые языческія области. Законами Валентина II-го, Θεодосія 1-го, Аркадія и Юстиніана опредѣлено, чтобы градоначальники освобождали заключенныхъ изъ темницъ и отпускали ихъ на волю, не ожидая вышихъ распоряженій правительства. Прощеніе не распространялось однако же на тѣхъ, которые вторично впадали въ преступленіе, потому что это значило бы давать поводъ къ уничтоженію самаго благодѣянія. Не одно правительство, но

и владѣтели рабовъ оказывали имъ свои милости: давали полную свободу; подражая Господу Спасителю, искупившему насъ отъ грѣховнаго рабства.

И у насъ на Руси и въ старину и теперь къ дню Св. Пасхи приурочено не мало дѣлъ благотворительности. Русскіе люди такъ добры и отзывчивы къ несчастіямъ ближняго и въ день Св. Пасхи охотно оказываютъ щедрыя пособія разнаго рода убогимъ, сирымъ, и несчастнымъ, желая, чтобы свѣтлый Христовой праздникъ они встрѣтили не въ скорби и слезахъ, а въ радости и счастіи. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ нашего отечества держится обычай отпускать на волю Св. Пасху даже птичекъ. И дай Богъ, чтобы всѣ эти добрые обычаи не только не уничтожались съ годами, но поддерживались и развивались все болѣе и болѣе, потому что свѣтлому Христову-празднику прежде всего и паче всего должны быть свойственны широкое христіанское милосердіе и щедрая благотворительность къ ближнимъ:

Обыкновеніе обмѣниваться въ Пасху красными яйцами связывается преданіемъ съ именемъ Св. Маріи Магдалины, которая отправясь въ Римъ, послѣ вознесенія Христова, для проповѣданія Евангелія, предстала предъ императора Тиверія, поднесла ему красное яйцо и тутъ же начала проповѣдь о воскресшемъ Спасителѣ. Впослѣдствіи обыкновеніе это сдѣлалось всеобщимъ въ церкви христіанской и съ патріархальною точностью соблюдается у насъ на Руси особенно среди простонародья. Рассказываютъ о Суворѣвѣ, что, отслушавъ пасхальную утреню, онъ становился въ рядъ съ священно-служителями и христосовался со всѣми, никого не разбирая. Позади себя онъ ставилъ деньщиковъ съ корзинами крашенныхъ яицъ, которыя и раздавалъ всѣмъ подходящимъ христосоваться съ нимъ. Мы, православные, не можемъ не радоваться такой привязанности нашего русскаго народа къ освященнымъ вѣками добрымъ церковнымъ обычаямъ и должны всѣми зависящими отъ насъ мѣрами содѣйствовать сохраненію ихъ и на будущее время.

С. У.

I) Изъ епархіальной жизни.

Изъ села Смердомли, Устюжнскаго уѣзда.

(Корреспонденція).

Февраля, 3-го числа, сего 1897 года, духовенство IV округа, устюжнскаго уѣзда, собралось въ погость Воле для обсуждения текущихъ дѣлъ и вопросовъ мѣтнаго миссіонерскаго отдѣленія. Получивъ свѣдѣнія объ исполнвшемся тридцатилѣтнмъ служеніи въ епископскомъ санѣ благодѣйшаго архипастыря—владыки нашего, высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Θεогноста, духовенство, по предложенію мѣтнаго о. благочиннаго священника Озеревской церкви, Николая Соколова, единодушно постановило прежде открытія засѣданій отслужить благодарственное молебствіе по поводу благополучнаго достиженія владыкою тридцатилѣтняго юбилея въ санѣ епископа и вознести горячія молитвы къ престолу Всевышняго о здравіи и долгоденствіи благодѣйшаго отца нашего и архипастыря, ревностнѣйшаго насадителя истинъ вѣры среди заблудшихъ, милостивѣйшаго печальника о нуждахъ духовенства новгородской епархіи. Духовенство IV округа въ особенности искренне было въ принесеніи молитвъ Богу о благоденствіи владыки. Изъ девяти причтовъ округа, состоящаго изъ бѣдныхъ приходоу, а въ послѣднее время изъ десяти, шесть причтовъ наиболѣе бѣдныхъ церквей, уже обезпечены нынѣ жалованьемъ по милости высокопреосвященнѣйшаго владыки. Нынѣ священники сихъ приходоу не будутъ испытывать уже той тяжелой нужды, какую они несли прежде, нужды подѣ часъ убивающей самыя лучшіе порывы души и парализующей самыя пылкія желанія принести возможно большую пользу въ святомъ своемъ высокомъ дѣлѣ; нынѣ они могутъ съ большею энергіею отдаться попеченіямъ о благѣ ввѣренныхъ ихъ водительствоу душъ пасомыхъ. На репортъ о. благочиннаго, препроводившаго актъ о служеніи молебна, составленный духовенствомъ, высокопреосвященнѣйшему

владыкѣ благоугодно было положить слѣдующую резолюцію:
„благодарю духовенство IV округа за служеніе молебствія по случаю исполнившагося тридцатилѣтняго служенія моего въ санъ епископа“. Духовенство IV округа, устюжнскаго уѣзда долгомъ считаетъ и радостію сообщить о семъ знакѣ милостиваго вниманія на себя своего архипастыря.

С.

Пожертвованія преосвященнаго Мисаила, епископа Могилевскаго и Мстиславскаго, на свою родину—въ Чуровскіе, въ 1896 году.

Въ № 13-мъ „Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ 1896 года было выписано изъ описи имущества Чуровской церкви все, сдѣланное для нея преосвященнымъ Мисаиломъ въ минувшее время до 1896 года. Въ теченіи 1896 года Чуровскою церковію получены отъ владыки слѣдующія благодѣянія:

Отъ 30-го марта, на возобновленіе иконостаса Чуровской церкви—600 руб.; отъ 12 іюня, въ молитвенное воспоминаніе о жизнерадостномъ всенародномъ торжествѣ—Священномъ Коронаваніи Ихъ Императорскихъ Величествъ Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны,—государственная рента на 500 руб. изъ 4⁰/₀, съ тѣмъ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты шли на нужды школы при Чуровской церкви; отъ 12-го іюня,—въ церковь двѣ иконы: Владимірской Божіей Матери и св. священномученика Кукши, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ и шелковый съ золотыми кистями покровъ на престолъ—150 руб.; отъ 12 іюля, на отдѣлку стѣнъ и потолоковъ въ школѣ и пріютѣ—100 руб.; отъ 16 августа, на обзаведеніе пріюта нужнымъ инвентаремъ и на содержаніе пріютскихъ дѣтей—200 руб.; отъ 11-го октября, въ благословеніе Чуровскому сиротскому пріюту—икона Знаменія Божіей Матери, въ серебропозлащенной ризѣ—50 руб.; отъ 22-го ноября, на содержаніе пріюта—100 руб.; отъ 22-го ноября, на школы грамоты починковской волости—50 руб., съ общаніемъ впередъ не оставить ихъ своей поддержкой, когда ясяѣ опредѣлится ихъ положеніе и значеніе въ мѣстности.

Затѣмъ, на открытіе при Чуровской школѣ бесплатной народной читальни получены отъ владыки два короба книгъ: отъ 16-го іюня 9 пуд. вѣса и отъ 2-го сентября 8 пуд.; заклю-

чавшіяся въ нихъ книги распределены по каталогу на 4 отдѣла въ слѣдующемъ количествѣ:

1-й отдѣлъ. Св. писаніе, его толкованіе; догматическія, нравоучительныя и апологетическія сочиненія.—94 №, кор. 123.

2-й отдѣлъ. Священная и церковная исторія. Житія святыхъ.—116 №, кор. 132.

3-й отдѣлъ. Философія. Словесность. Географія.—36 №, кор. 43.

4-й отдѣлъ. Журналы и другія повременные изданія.—11 №, книгъ 316. Итого 257 №№, кор. 614—на 350 руб.

Выборъ журналовъ сдѣланъ владыкою. Книги-же—богословскія, философскія и церковно-историческія, въ значительной части,—подношенія преосвященному Мисаилу отъ авторовъ—профессоровъ духовныхъ академій, семинарій и другихъ мужей духовной науки, и насколько цѣнны и важны по своему содержанию, настолько-же изящны по своей внѣшности. Въ общемъ, всѣми этими книгами положено фундаментальное начало для народной бесплатной читальни.

Кстати, нѣсколько словъ о двухъ упомянутыхъ выше учрежденіяхъ при Чуровской двухклассной школѣ—народной бесплатной читальнѣ и сиротскомъ дѣтскомъ пріютѣ. Читальня помѣщается въ нарочито приспособленной для сего комнатѣ за первымъ классомъ; въ ней, кромѣ большого шкафа, наполненнаго книгами,—столъ и три табуретки. Но до сихъ поръ чтеніе намѣстѣ въ читальнѣ не привилось, такъ какъ церковь и школа стоятъ не въ селѣ, и грамотеи берутъ книги на домъ; здѣсь-же въ читальнѣ отдѣленіе продажи религіозно-нравственныхъ брошюръ отъ церковно-приходскаго попечительства. Читальня официально открыта для пользованія желающихъ молебствіемъ 1-го января сего 1897 года.

Пріютъ помѣщается во 2-мъ этажѣ школы и состоитъ: изъ просторной передней, въ ней вѣшалки съ верхнимъ платьемъ и койка сторожа; затѣмъ, два обширныя свѣтлыя зала,—это собственно помѣщеніе для мальчиковъ, койки ихъ стоятъ во второй комнатѣ; справа комната старушки—надзирательницы. Кухня съ русской печью находится внизу; подъ кухней-же подвалъ для провизіи. Свѣтлое, чистое помѣщеніе пріюта, отдѣланное минувшимъ лѣтомъ, просторъ, вся вообще обстановка, не оставляющая желать для пріюта ничего лучшаго, производятъ на каждого посетителя отрадное впечатлѣніе. На койкахъ одѣяла и матрацы хорошіе; бѣлье чистое; сами призрѣваемые мальчики одѣты довольно прилично, сыты и довольны. Дѣтей въ пріютѣ въ на-

стоящемъ учебномъ году воспитывается пятеро: одинъ діакопскій сирота и четверо—дѣти бѣдныхъ семейныхъ псаломшиковъ, по мѣсту родины одинъ бѣлозерскаго уѣзда, другіе—череповецкаго. Старушка—надзирательница при нихъ также изъ духовныхъ—дьячская дочь; дѣти зовутъ ее „бабушкой“. Благодаря высокому мѣстоположенію Чуровскихъ, изъ оконъ пріюта лѣтомъ открывается чудный видъ на равнину Шексны съ двумя церквами сосѣднихъ приходовъ и множествомъ деревень; въ ясный день на горизонтѣ, за 40 верстъ, видно еще нѣсколько церквей. Со слѣдующаго года въ пріютѣ будутъ содержаться по волѣ преосвященнѣйшаго владыки Мисаила до 7-ми человекъ дѣтей.

Б.

Кирилло-Бѣлозерская икона Божіей Матери Одигитріи.

(къ пятисотлѣтію ея прославленія).

(Продолженіе).

Когда къ препод. Кириллу пустынножительствовать собралось не малое число братіи, небольшой часовни, поставленной для молитвы, было уже недостаточно: потребовалась для общихъ собраній на молитву церковь. Братія просила преподобнаго устроить ее, но у нихъ не было плотниковъ и мѣсто, гдѣ возникла пустыня, находилось вдали отъ лицъ, могущихъ построить церковь. Братія много печаловалась объ этомъ, но св. Кириллъ успокаивалъ всѣхъ и, упоая на помощь Божіей Матери, молился ей объ исполненіи общихъ желаній братіи. И вотъ пришли плотники сами собою; никто ихъ не звалъ. Церковь была успѣшно поставлена и посвящена Пречистой Богоматери, во имя Ея славнаго Успенія, почему самъ преподобный ее называлъ „домомъ Пречистой“, а монастырь, устроенный имъ сталъ называться обителью Пречистой Богородицы, Успенскимъ монастыремъ. Чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи, которую преподобный съ собою принесъ съ Москвы, была внесена въ новосозданный храмъ и поставлена тамъ, а храмовую икону „Успенія Божіей Матери“ написалъ для Кириллова монастыря знаменный иконописецъ Андрей Рублевъ.

Икона Успенія по описаніямъ монастырскимъ считается чудотворной.

Окрестные жители, узнавъ, что во вновь возникшей пустыни поставлена церковь, думали, что препод. Кириллъ принесъ съ собою много денегъ и разныхъ сокровищъ, которыя, думали, накопилъ будучи архимандритомъ столичной обители. Особенно соблазнился мнимымъ богатствомъ св. отшельника бояринъ Ѳеодоръ, жившій близъ Шекены, и послалъ разбойниковъ, чтобы они ограбили преподобнаго и его пустыню. Пришли лихіе люди и видятъ: вокругъ монастыря стоитъ множество людей, вооруженныхъ луками и готовыхъ къ защитѣ обители. По двѣ noci приходили разбойники, каждый разъ видѣли воиновъ и уходили, боясь сдѣлать что-либо злое преподобному и его обители. Подумавъ, что пришелъ въ монастырь на богомолье какой-либо сильный вельможа, они извѣстили объ этомъ боярина, подсылавшаго ихъ; а онъ послалъ узнать, кто прибылъ въ монастырь. Когда доложили, что больше недѣли какъ никто не посѣщалъ монастыря, бояринъ Ѳеодоръ ясно уразумѣлъ, что преподобный—святой Божій человекъ и что Пречистая Богородица покрываетъ его отъ приходящихъ на его и его обитель напастей, раскаялся въ своемъ грѣхѣ, убоявшись наказанія Божія, и сталъ усерднымъ почитателемъ святаго отца и пустыни Пречистой Дѣвы.

Разъ случилось, что не достало вина для церковной службы, такъ что нельзя было служить литургіи. Когда возвѣстили объ этомъ преподобному священникъ, святой, призвавъ пономаря, приказалъ ему принести сосудъ, гдѣ обычно хранилось вино. Пономарь пришелъ и увидалъ, сосудъ полнъ виномъ, а всѣ знали, что въ немъ вина не было и что онъ былъ сухъ. Видя необычайное чудо, всѣ прославили Бога и Пречистую Его Матерь. Нѣсколько лѣтъ спустя, былъ голодъ и многіе люди отъ нужды приходили въ обитель святаго и преподобный всѣмъ вельбъ просящимъ раздавать хлѣбъ. Но въ монастырѣ тогда было не много хлѣба, едва хватало на братію, а народъ приходилъ толпами, услыхавъ, что въ обители кормятъ голодающихъ. Хлѣбники, зная, что раньше умножилось вино, не смущались, раздавали пищу и такъ немногими запасами кормилась не только братія, но и люди многіе и недостатка въ пищѣ, помощію Богородицы и молитвами св. Кирилла, не было до новаго хлѣба.

Такъ Пречистая Богородица хранила обитель, созданную препод. Кирилломъ, при его жизни. Но заступленіе Ея не оста-

вляло Кирилловъ монастырь и послѣ отшествія преподобнаго изъ земной жизни.

Когда святой угодникъ Божій сталъ отходить къ Господу, братія, видя умирающаго игумена, много печалилась и страшилась о судьбѣ монастыря безъ св. отца. Увидавъ это, преподобный сказалъ въ утѣшеніе братіи: „не скорбите объ этомъ, но знайте: если пріобрѣту нѣкоторое дерзновеніе предъ Господомъ и Пречистой Его Богоматерію и если трудъ мой угоденъ будетъ Богу, то не только не оскудѣетъ это святое мѣсто, но еще больше распространится по моему отшествіи; только любовь имѣйте между собою“. Братія неутѣшно рыдала и преподобный ободрялъ ее: „предаю васъ Богу и Того Пречистой Богоматери“. *)

Наставивъ братію и монастырь—свое созданіе предавъ Богу и Пречистой Богоматери, святой Кириллъ блаженно почилъ. И согласно слову его утѣшенія, его обитель и послѣ его смерти возрастала и постоянно была хранима отъ бѣдъ и напастей. Въ ней возросли и укрѣпились духомъ многіе святыя мужи и нѣкоторые изъ нихъ, оставивъ Кирилловъ монастырь, по образу его основали свои монастыри въ разныхъ мѣстахъ св. Руси. Государи, князья, игумены и простые люди, имѣя великую вѣру къ препод. Кириллу и любовь къ его обители, несли туда свои богатства и Кирилловъ монастырь сталъ весьма богатъ и могущественъ. Его сила и слава росла вмѣстѣ съ крѣпостію русскаго государства.

Но вотъ на русскою землѣ наступили годы смуты. Царственный домъ св. Даніила пресѣяся съ кончиною сына царя Іоанна грознаго, царя Ѳеодора. Не долго занималъ московскій престолъ царь Борисъ; его мѣсто скоро занялъ лже-Дмитрій. Скоро затѣмъ, свергнувъ самозванца, сталъ царемъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Но мало кто слушалъ этого царя. Многіе, оставивъ Москву, уходили къ новому самозванцу. Шатаніе и нетвердость въ умахъ изъ Москвы распространились по всему русскому народу. Появились въ разныхъ мѣстахъ Руси бродячія разбойничьи шайки. Пользуясь смутами, двинулись на Русь польскіе и литовскіе люди. Царь Василій Шуйскій былъ низложенъ. Казалось пришелъ конецъ русскому царству. Такъ люди, думали, но не такъ судилъ Богъ. Среди русскаго народа, Божіимъ милосердіемъ къ нему, нашлись люди, ко-

*) Позаимствовано изъ житія препод. Кирилла, составленнаго Пахоміемъ Логофетомъ

торые, видя конечную гибель государства, твердо стали въ защиту православной вѣры и родной земли. Московскій патріархъ Гермогенъ, не страшась угрозъ поляковъ и измѣнниковъ русскихъ, державшихъ его въ жестокомъ заключеніи, призывалъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Руси къ защитѣ родины и святой вѣры. Тогда съ разныхъ концовъ государства двинулись народныя ополченія къ Москвѣ, чтобы освободить ее отъ враговъ. Во главѣ этихъ ополченій шли полки изъ Нижняго Новгорода, предводительствуемые Мининимъ и княземъ Пожарскимъ. Въ это тяжелое время Троице-Сергіева лавра, руководимая ея келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ, показала высочайшій образецъ подвиговъ и жертвъ на благо русской земли.

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, помня заветы старины, во все время смуты твердо стоялъ за вѣру, русскій народъ и царскую власть. Тогда во главѣ монастыря были игуменъ Матѳей и келарь Боголюбъ Грабовъ; на нихъ съ соборными старцами падали труды и заботы по содѣйствію русской землѣ побороты тяжелую смуту и по оборонѣ монастыря отъ враговъ. Въ Кирилловѣ ворами и воровской смутѣ не вѣрили, но твердо стояли за домъ Пречистыя Богородицы, за чудотворцевы мощи, за царя и за все православное крестьянство, по городамъ писали о крѣпленіи и многія мѣста сами укрѣпляли. Ополченцы, содержимые на средства монастыря, сначала боролись противъ враговъ русскаго государства подъ Москвою и Тулою, а въ концѣ 1610 г. власти монастыря стали ихъ сосредоточивать около Кириллова монастыря, такъ какъ поляки, литовскіе люди и русскіе разбойники изъ подъ Москвы направились къ сѣверу и въ Бѣлозерскихъ краяхъ появились къ концу 1610 года. Въ 1611 г. сообщеніе по этому краю сдѣлалось уже опаснымъ и Кирилловъ монастырь оказался въ осадѣ. Теперь начались трудные годы для Кириллова монастыря. Вологда, Бѣлозерскъ и Чаронда (тогда это маленькое село было городомъ) были врагами взяты, выжжены и люди въ нихъ посѣчены. На всемъ сѣверѣ оставался невредимымъ одинъ Кирилловъ монастырь. Поляки, литовскіе люди, черкесы и казаки, направляясь къ сѣверу, стремились къ Кириллову монастырю; сюда ихъ привлекали богатства обители. Чтобы покончить съ обителью, не разъ враги скончившись напали на нее приступомъ; но всякій разъ осажденные, прося у всещедраго Бога милости, стойко бились съ врагами и „Божією милостію и Пречистыя Богородицы помощію и преподобнаго чудотворца Кирилла молитвами“ злыхъ враговъ побивали. Особенно опасенъ былъ приступъ 10-го декабря

1612 года подъ начальствомъ пана Песоцкаго. Около полудня пришли къ Кириллову монастырю многіе польскіе, литовскіе и русскіе люди и стали подъ монастыремъ въ капутныхъ огородахъ съ обѣихъ сторонъ обители съ бѣлозерскіе и вологодскіе дороги. Ночью за два часа до свѣта они всѣми людьми съ шумомъ и крикомъ пошли къ крѣпости на приступъ; во многихъ мѣстахъ прислонили къ монастырской стѣнѣ лѣстницы и по защитникамъ изъ самопаловъ и нарядными стрѣлами стрѣляли, чтобы сбить съ крѣпости людей монастырскихъ и чтобы зажечь монастырь. Приступъ былъ вполне безуспѣшенъ. Защитники два часа крѣпко бились съ нападающими и многихъ людей у нихъ на смерть побили, многихъ поранили, а многіе въ бороздѣ, которую сдѣлали въ озерѣ для защиты во льду, — потонули. Самъ панъ Песоцкій и его двоюродный братъ Лаврикъ на приступѣ были убиты. Но съ этимъ приступомъ враги не разсѣялись; они не разъ еще покушались завладѣть Кирилловымъ монастыремъ. Не имѣя успѣха въ приступахъ, они отходили отъ Кириллова, грабили его вотчины, сѣкли людей и безпрестанно ходили войною по всему бѣлозерскому краю. Въ 1618 году зѣлъ были еще литовскіе люди. Такимъ образомъ, Кирилловъ монастырь держался въ осадѣ около восьми лѣтъ. Это не была правильная осада, но во всякомъ случаѣ трудная и тяжелая. Въ монастырѣ тогда жило братіи и всѣхъ людей болѣе тысячи человекъ. Сюда сбѣгались отъ врага окрестные крестьяне, помѣщики, монахи изъ ближайшихъ монастырей, а въ томъ числѣ и инокини изъ Горицкаго монастыря, который былъ литвою раззоренъ, а церкви въ немъ и престолы Божіи поруганы. *)

Кирилловъ монастырь и жители города Кириллова, возникшаго около монастыря неоднократно испытали на себѣ покровъ Владычицы и избавленіе отъ моровыхъ повѣтрій.

Лѣтомъ 1654 года по русской землѣ открылось страшное моровое повѣтріе. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ тогда подъ Смоленскомъ въ походѣ противъ поляковъ, а на Москвѣ остались царица Марья Ильична съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ. Вскорѣ язва настолько усилилась въ Москвѣ, что оставаться тамъ не было никакой возможности и царская семья съ патриархомъ Никономъ отправилась къ Сергіеву монастырю. Ихъ путь лежалъ на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь. Здѣсь

*) Надѣюсь о Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ въ смутное время говорить болѣе подробно, почему теперь и не дѣлаю ссылокъ на документы.

отъ повѣтрія было тихо. Одинадцатаго сентйбря они достигли Колязина монастыря и здѣсь пока остановились. Тотчасъ былъ посланъ въ Кирилловъ монастырь гонецъ доподлинно развѣдать на мѣстѣ о моровомъ повѣтріи. Тѣмъ временемъ съ Москвы писали, что повѣтріе послѣ Семеня дня, т. е. 1-го сентйбря, усилилось. Неутѣшительныя вѣсти приходили и изъ другихъ городовъ: люди умирали по всему государству. Въ началѣ октябрю былъ посланъ приказъ готовить на Бѣлоозеро путь для царскаго проѣзда. Велѣно было, въ которыхъ мѣстахъ дорога худа и узка расчищать, чтобы во всѣхъ мѣстахъ дорога была широка и гладка и пряма, а косогорювъ и никакихъ худыхъ мѣстъ на той дорогѣ не было. По рѣкамъ, ручьямъ, болотамъ и грязямъ велѣно было дѣлать мосты широкіе и гатить гати. Побуждая насильно готовить путь, 17-го октябрю изъ Колязина монастыря писали, что въ Кирилловъ монастырь вскорѣ будетъ походъ царя Алексѣя Михайловича съ семьею. Однако царскій дворъ въ Кирилловъ не ярибылъ. Съ началомъ ноябрю моровое повѣтріе стало ослабѣвать, а въ январѣ оно уже прекратилось, Божіею милостію и заступленіемъ Пречистой Богородицы.**)

Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ этого, въ 1854 году, судомъ Божиимъ посѣтила наше отчество губительная болѣзнь холера. Городъ Кирилловъ ею былъ пощаженъ. Жители его, по своему усердію и благоговѣнію, отнесли это заступленію Божіей Матери, предъ чудотворнымъ образомъ Которой въ горести и несчастіяхъ привыкли возносить свои молитвы. Въ память и благодарность явленной милости, по просьбѣ мѣстныхъ жителей, св. Синодомъ, съ соизволенія Государя Императора Николая Павловича, съ тѣхъ поръ учрежденъ крестный ходъ съ чудотворною иконою Божіей Матери Одигитріи вокругъ г. Кириллова въ день всеобщаго празднованія въ Россіи въ честь Смоленской иконы Божіей Матери Одигитріи—28-го іюля.

Н. Успенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**) Акты о моровомъ повѣтріи 1654 г. см. въ Доп. къ ист. Акт. т. III, № 119, стр. 442—551.

II) Статьи и разсужденія.

Христова пасха—праздникъ духовнаго обновленія. ¹⁾

(Очеркъ).

О. Никаноръ не имѣлъ привычки спать въ ночь передъ Свѣтлымъ, Христовымъ Воскресеніемъ... Весьма чуткій къ священнымъ воспоминаніямъ, онъ глубоко проникался трогательнымъ, прекраснымъ Богослуженіемъ страстной седмицы, и, обыкновенно, вечеръ великой субботы приносилъ съ собою въ его душу возвышенное, свѣтлое настроеніе, оно то почти и не давало ему чувствовать усталость.

„Ну скажите на милость, нерѣдко говаривалъ онъ въ кругу близкихъ, можно ли спать въ ту пору, когда вокругъ разлито цѣлое море религіозной поэзіи, когда Евангельскія событія во всей своей величавости, во всей—необыкновенной красотѣ проносятся предъ возбужденнымъ воображеніемъ?.. Когда же намъ утомленнымъ житейской суетою, заплеснѣвшимъ отъ обыденныхъ дрягъ воспріянуть духомъ и согрѣть свое сердце умиленіемъ, какъ не въ эту священную ночь?!.. Для сна останется еще много, много ночей, а уловить въ себѣ тотъ благодатный восторгъ, то освѣжающее раздумье, какіе въ эту ночь слетаютъ въ душу христіанина, едва-ли удастся въ какое-либо другое время“. Вотъ почему о. Никаноръ и сейчасъ вышелъ на крылечко, чтобы здѣсь провести время до заутрени... Солнце давно уже скатилось за далекій горизонтъ, но отблески багровою зарей еще играли на темно-голубомъ небѣ; свѣжій вечерній воздухъ насыщенъ былъ благоуханіемъ отъ оживающихъ растеній. Тихо дремали въ широко раскинувшемся полисадникѣ душистые тополи и стройныя липки. Весна въ этотъ годъ не замедлила выступить на встрѣчу великому дню, раненько вперхнула она животворными крыльями надъ обледенѣлой матушкой-

¹⁾ Пастырек. Собес. 1896 г. № 12.

землю, пробудила ее, дыхла по ней тепломъ и благоуханіемъ, старательно принялась украшать ея широкое лицо своими щедрыми уборами. Окрестности тонули въ сумракѣ, но длинное село еще отчетливо разстилалось предъ взорами о. Никанора; оно мелькало многочисленными огоньками; православные хлопотались въ приготовленіяхъ къ празднику. Видъ сельскихъ хатокъ развѣтывалъ предъ воображеніемъ батюшки рядъ картинъ изъ давно знакомой ему дѣйствительности; одни своимъ содержаніемъ вызвали улыбку на устахъ пастыря, а иныя облака печали на его лицо... И не мало въ этотъ чудный вечеръ вылетѣло изъ его груди искреннихъ молитвенныхъ вздоховъ объ участи тѣхъ, кто страждетъ и падаетъ на жизненной тропѣ отъ своихъ ли слабостей, или отъ скорбныхъ вѣшнихъ обстоятельствъ и несчастій.

Вечерній сумракъ смѣнился чернымъ покрываломъ ночи, затихло село, загасли въ немъ огоньки, не видно стало и избышекъ, только одинъ храмъ выдѣлялся въ темномъ пространствѣ. Мысль о. Никанора, побродивши по домамъ своихъ прихожанъ, устремилась къ пережитымъ, пасхальнымъ ночамъ, къ событіямъ изъ прошлаго, имѣющимъ къ нимъ то или другое отношеніе. Вспомнилось ему, какъ онъ, бывало, мальчуганомъ, а потомъ юношей, храбро шагаль по грязи, рисковалъ и простудиться при переправахъ черезъ широко разлившіеся ручейки, затѣмъ, чтобы посидѣть къ великому празднику въ бѣдный, но родной дьяческій домикъ... И лучи той радости, которые не разъ въ пасхальныя ночи загорались подъ отчей кровлей и разгорались въ небольшой церковкѣ подѣ звуки торжественныхъ ивѣноцѣній, грѣли и доселѣ его душу.

Изъ сосѣдняго села послышались протяжные звуки сторожевого колокола. Внезапно повлекли они воображеніе о. Никанора лѣтъ 15 назадъ къ пасхальной же ночи, въ которую погасъ на вѣки его лучший другъ и товарищъ по ученю и службѣ.

Былъ вечеръ великой субботы; о. Никаноръ пошелъ навѣстить умирающаго сосѣда—священника, погода стояла холодная, хмурая, а въ жилищѣ друга было печальнѣе... Ревностный труженикъ здѣсь преждевременно рассчитывался со своею молодою жизнію, она свѣтилась только въ его умныхъ глазахъ, а тѣло уже скорѣе напоминало трущъ,—не дыханіе, а тяжкое хрипѣніе слышалось въ маленькой комнатѣ; у постели умирающаго стояла молодая женщина съ заплаканнымъ лицомъ да сиротливо жался десятилѣтній мальчуганъ—живой портретъ отца.

„Спасибо, Никаноръ, чуть слышно заговорилъ больной, провѣдать пришелъ для великаго дня... благослови тебя Боже за это“... „Петя, милый мой мальчикъ... обратился онъ къ сыну, меня къ утру не станеть... помни день Христовъ, люби Воскресшаго... это мое тебѣ предсмертное завѣщаніе... Если тяжело, скорбно будетъ тебѣ жить... вспомни великій день; ты уже и теперь знаешь, что случилось въ него, а тогда еще лучше поймешь то; раскрывай чаще душу свою передъ Воскресшимъ, и какъ бы въ ней темно и грустно ни было, Онъ освѣтитъ, ободритъ ее... Я это не разъ испыталъ на себѣ... Господи, какъ ты еще милостивъ ко мнѣ, что въ великій день хочешь отозвать меня къ Себѣ... чую, чую, жизнь догасаетъ, потухнетъ, простите... не страшно мнѣ будетъ подъ радостныя пѣсни Воскресенія скрываться въ могилу... Да, никогда душа христіанина не бываетъ такъ готова переселиться въ иной, лучшей міръ, какъ въ Свѣтлое Воскресеніе; никогда она въ другое время не бываетъ такъ чиста и такъ свободна отъ грязи житейской, какъ въ этотъ день... Недаромъ народъ вѣритъ, что умершіе въ Свѣтлое Воскресеніе, достойны рай!

Вдали вспыхнуло зарево—предвѣстникъ близкаго торжества, начали вѣроятно зажигать пасхальные огни... Какъ скоро, думалось о. Никанору, мракъ разсѣвается предъ свѣтомъ. Вѣдь и мракъ заблудшей души, случается, также разсѣвается свѣтозарнымъ воскресеніемъ. И въ воображеніи его замелькала опять вереница воспоминаній... Вотъ онъ юношей гоститъ въ домѣ родителя своего друга, также юноши... Село богатое, людное, храмъ благолѣпный, служба страстная истовая, сердце умилялось отъ этой службы, отъ этой обстановки, такъ бы и не выходилъ изъ храма. А товарищъ его?... бѣдный! онъ былъ жертвой гибельнаго сомнѣнія, которое въ ту пору широкими волнами разлилось по Руси православной, и не мало молодыхъ, даровитыхъ душъ отравило и погубило оно. Долго онъ убѣждалъ своего пріятеля посѣтить страстное Богослуженіе, вникнуть въ смыслъ его, но въ отвѣтъ отъ него слышала одно: „очень мнѣ нужно кинуть тамъ въ духотѣ, я вотъ лучше прочту книжку, лишнюю статейку прослѣжу въ новенькомъ журнальчикѣ“. И, дѣйствительно, тотчасъ послѣ споровъ, погружался въ чтеніе, неизмѣющее ничего общаго съ воспоминаемыми церковью событіями. Наканунѣ страстной пятницы они преспорили всю ночь и Никанору удалось все-таки выманить у товарища обѣщаніе быть за великой заутреней. Утро въ пятницу встало ласковое, ясное, въ воздухѣ разливался благовѣсть.

Люди, какъ пчелки въ улей, съ разныхъ сторонъ вереницею текли къ дому Божьему послушать про страданія своего Спасителя. Спокойно и величаво выплывало солнце на безоблачное небо, обливая своими золотистыми лучами нѣжную зелень уже одѣвшихъ весеннимъ ковромъ лужаекъ. Красота Божьяго міра несомнѣнно повліяла на отзывчивую душу юноши... Онъ шелъ къ утрени сверхъ ожиданія бодрый, веселый, простоялъ ее внимательно и возвратился домой съ какою-то особенною тихою задумчивостью... И странное дѣло, онъ старательно посѣщалъ послѣ того и все остальные, страстные службы... Въ Свѣтлое же Воскресеніе послѣ заутрени, прогуливаясь около храма съ Никаноромъ, онъ внезапно остановился, стиснулъ его руку и возбужденно, искренно сказалъ: „спасибо, другъ, тебѣ,—тебѣ я обязанъ, что увидѣлъ яркій свѣтъ Воскресенія, и позналъ невѣдомый мною сладкій міръ... Не забуду до гроба я твоей услуги“... Теперь этотъ юноша тоже почти старецъ, и тоже добрый служитель алтаря, отъ котораго въ первую пору юности такъ настойчиво удалялся... Отчетливо выдѣлилось изъ пережитаго предъ о. Никаноромъ и прошлогоднее утро Свѣтлаго дня. Выходя изъ храма послѣ обѣдни онъ замѣтилъ, что какой-то незнакомецъ, прилично одѣтый, крайне грустный, стоитъ въ нерѣшительности. „Откуда и куда Богъ несетъ“? привѣтливо спросилъ о. Никаноръ.— „Самъ не знаю куда, батюшка, а откуда... ну это долга ибѣня, если рассказывать“, съ скрываемою скорбію отвѣтилъ тотъ. „А коли такъ, милости просимъ ко мнѣ, я человѣкъ одинокій, всегда радъ гостю, а въ такой праздникъ тѣмъ болѣе“. Послѣ нѣкотораго раздумья незнакомецъ согласился послѣдовать за священникомъ, и, облаканный за скромными разговѣнами и чайкомъ, откровенно повѣдалъ ему невеселую исторію своей жизни.

„Я, батюшка, рассказывалъ онъ, былъ съ хорошимъ достаткомъ, да и теперь не бѣдетвую, только скорби-то житейскія почти что доконали меня... Сперва крупный разладъ вышелъ съ близкими родными, потомъ жену схоронилъ, дѣтей потерялъ, и все это въ короткое время; остался одинокій бо-быль, и, къ несчастію, окунулся въ тотъ омутъ, въ которомъ частенько тонетъ съ горя русскій человѣкъ,—сталъ пить... пилъ съ годъ, что называется, мертвой чашей, допился до болѣзни, но въ больницѣ оправился, послѣ болѣзни опротивѣло мнѣ и вино, самая ѣдкая тоска охватила меня, не знаю куда дѣться, особенно тяжело мнѣ было въ минувшій постъ, просто жизни сталъ не радъ, и умереть страшно было, не хватало

духу покончить съ собою, хотя этотъ ужасный помысль не рѣдко посѣщала меня... Слыхалъ я, и читывалъ не разъ, что путешествіе разгоняетъ мрачное настроеніе; дай, думаю, попутешествую,—поѣхалъ; кое-кто мнѣ совѣтовалъ навѣстить замѣчательныя обиталища, полюбоваться знаменитыми древними храмами, соборами, но не привыкъ я къ нимъ, и не тянуло меня заглянуть въ нихъ хоть бы на нѣсколько минутъ... Приѣду въ городъ, поброжу денекъ другой по улицамъ, а ужъ тоска гонитъ дальше; я скорѣй въ другой, тоска продолжала грызть мое сердце. Недѣли двѣ ѣздилъ, не въ-моготу стало мнѣ быть среди шума людскаго, дай, думаю, пройдуся пѣшкомъ; время настало теплое, славное. И, правда, какъ обняло меня безмятежіе деревенскихъ полей, обвѣявъ удрученное лицо мое благоухающій весенній воздухъ, словно и полегче у меня стало на душѣ. Вчерашній вечеръ засталъ меня приближающимся къ вашему селу—остановился я въ сосѣдней деревушкѣ переночевать.—Эта ночь была такая тихая, теплая; глубокое раздумье навѣяла она на меня; вышелъ я на берегъ рѣчки и сижу себѣ да слушаю, какъ журчитъ ручеекъ, какъ постепенно стихаетъ говоръ людской, и, здѣсь то на пустынномъ берегу, подъ покровомъ темной ночи, вся прошлая жизнь промелькнула въ моемъ воображеніи. Особенно долго мысль стояла на далекомъ, безмятежномъ дѣтствѣ; до боли сердечной стало жаль ту золотую пору, досадно на себя за то, что когда-то столь радостный, любящій, я сдѣлался черствымъ, унылымъ... Вотъ, думалось мнѣ, эти дни въ дѣтствѣ я ликовалъ, не безъ радости встрѣчалъ великій день уже въ болѣе поздній возрастъ, но радость эта годъ отъ году начинала тускнѣть, блекнуть, и вотъ теперь дошелъ я до полного равнодушія—не шевелитъ мое сердце радостный праздникъ христіанскій, напротивъ, тоска при мысли о немъ еще болѣе охватываетъ мое сердце... Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ я, и очнулся отъ своихъ горькихъ думъ и воспоминаній только тогда, когда гулкій ударъ вашего колокола заставилъ меня вздрогнуть. Всталъ я и не зналъ, что дѣлать,—спать въ то время, когда почти всѣ поднимаются, меня не тянуло... Заскрипѣли колыски, тихую улицу наполнилъ людской говоръ, толпа народа двинулась къ селу—пошелъ и я. Вотъ передъ нами блеснула рѣка—большой паромъ приставалъ къ нашему берегу...

Медленно разбѣгалъ, переполненный народомъ паромъ, быстрое теченіе... Я совершенно чуждымъ, одинокимъ чувствовалъ себя среди этой оживленной толпы, мнѣ даже досадно было на

ихъ веселый говоръ; облокотившись на перила, грустно смотрѣлъ я въ темную водную массу, гдѣ отражались далекія звѣздочки. Вотъ, думалось мнѣ, побѣждаетъ же—паромъ, эта безжизненная вещь, быстрые струи, а человекъ и съ разумомъ и съ—волей—да слабѣетъ, падаетъ подъ напоромъ стремительныхъ житейскихъ обстоятельствъ. Паромъ былъ уже на срединѣ рѣки—вверху темная масса воздуха, внизу такая же масса воды—и во мнѣ темь непроглядная, тоска чернѣе этой ночи.— У этихъ всѣхъ есть близкіе, родные, есть смыслъ спѣшить въ храмъ—радоваться празднику, а у меня?.. Стоитъ ли двигаться далѣе на этомъ мертвомъ паромѣ, все равно вѣдь и тотъ берегъ не оживить, не обрадуетъ меня, опять такая же тьма, тоска отчужденности будетъ окутывать меня и тамъ... Стоитъ ли?.. Одинъ прыжокъ черезъ эти веткія перила, и темныя, холодныя объятія на вѣки заключатъ меня въ себя—страшно и въ то же время какъ пріятно мнѣ стало отъ этой мысли. Вдругъ слышится стройный трезвонъ съ вашей колокольни, такъ и заливался онъ въ тихомъ воздухѣ; я заслушался его гармоніи—и не замѣтилъ даже, какъ паромъ стукнулся о берегъ. Я вышелъ съ него вмѣстѣ съ народомъ и безотчетно подчинился общему движенію. Я очутился въ храмѣ... И вотъ здѣсь то я вполне убѣдился, что добрыя чувства и радость заразительны и что въ домѣ Божіемъ вѣетъ невидимая благодать, смгчающая и самую черствую душу. Куда не оглянусь я, все вокругъ радостно, лица у народа веселыя, оживленныя; храмъ залитъ свѣтомъ, иконостасы такъ и блещутъ золотомъ, лица святыхъ отчетливо видны, ярко обрисовывается и кротость ихъ выраженія; стройное, радостное пѣніе, аромат ладана, запахъ можжевельника, —все это вливалось въ меня что то новое, невѣдомое мнѣ; то мрачное покрывало тоски, которое холодило, мучило, давило меня безпощадно, замѣтно сползло съ меня, и на душѣ становилось тепло, легко... Такое новое настроеніе не покидало меня и во время службы... Я даже началъ молиться, чего давно, давно со мною не бывало.

Кончилась у васъ служба, народъ еще тѣснился, желая окропить св. водою свои куличики; пора было уходить и мнѣ... Какъ же не хотѣлось мнѣ ступить за порогъ пріютившаго и ободрившаго мою душу храма! Я чувствовалъ, что здѣсь только отрадное умиленіе наполняетъ мою душу, что тамъ, внѣ этого пріюта Божьяго, меня снова ждетъ неумолимая тоска, снова во мнѣ съ удвоенной силой заговорять и моя отчужденность отъ всѣхъ и моя обычная скорбь... Я не ошибался. Едва только

остановился у паперти, да взглянулъ на тѣхъ простыхъ людей, что такъ снѣшно направлялись въ свои дома, какъ снова приливъ унынія приступилъ къ моему сердцу. Я опять очутился въ нерѣшительности, опять не зналъ, куда мнѣ дѣться, но тутъ вы заговорили со мною.

Да благословить же васъ Богъ, батюшка, за вашу любовь и милосердіе ко мнѣ несчастному скитальцу. Вашъ храмъ, вашъ привѣтъ въ великій день быть можетъ спасутъ меня отъ ужасной пронасти, теперь у меня есть цѣль,—это посѣщеніе храмовъ Божьихъ, и въ нихъ я буду искать исцѣленія своимъ глубокимъ душевнымъ ранамъ“.

Часто этотъ разсказъ воспоминался о Никанору, а въ эту священную ночь особенно отчетливо вспомнился необыкновенный странникъ... гдѣ то онъ теперь и что съ нимъ опять? Озари его, Боже, свѣтомъ Твоего воскресенія...

Но не успокоилась возбужденная мысль добраго пастыря на воспоминаніи этого несчастнаго; его печальный образъ, его разсказъ напомнили о другихъ горемычныхъ, несчастныхъ. Не мало таковыхъ видалъ на своемъ вѣку о. Никаноръ... У этого еще была надежда освободиться отъ губительнаго холода душевнаго, въ немъ видимо таилась искра Божія, остался хоть маленькій уголокъ въ душѣ, куда могли свѣтить лучи добра, а что ждетъ тѣхъ, кто настолько зачерствѣлъ, что и свѣтъ Воскресенія не проникаетъ въ душу сквозь многолѣтнюю кору грѣховную?.. Но какъ бы въ успокоеніе его доброй душѣ, въ подерѣвленіе его вѣры въ силу свѣта воскресенія, вспомнился ему поразительный, ужасный случай, происшедшій въ одномъ изъ сосѣднихъ сель...

Жила одна престарѣлая дѣвушка Анна на краю села въ маленькой, но опрятной избушкѣ; кормилась она тѣмъ, что псалтирь почитаетъ гдѣ по покойникамъ, а зиму 5—6 мальчиковъ поучить грамотѣ, или пошьетъ кому нибудь. Не смотря на ея скромную, истинно христіанскую жизнь, завистливая молва людская давно указывала на нее, какъ на скупую богачку, многіе совѣтовали ей пригласить къ себѣ кого нибудь пожить для охраны, но Анна въ отвѣтъ на это твердила одно: „что вы, добрые люди, да кто польстится на меня убогую, что злодѣямъ искать у меня?..“ Но къ несчастію, нашлись злодѣи, польстившіеся на ея мнимое добро, и удобнымъ временемъ для исполненія своего умысла выбрали пасхальную ночь... Анна въ эту весну простудила ноги такъ, что никуда не выходила изъ дома, и къ глубокому своему огорченію вынуждена была остаться дома во время торжественнаго Богослуженія... Она оправила

лампадочку и стала предъ иконами на молитву, пропѣвъ дрожащимъ голосомъ радостное „Христъ воскрес!“

Она углубилась въ молитву до такой степени, что не замѣтила, какъ на порогѣ изъ сѣней появились двѣ дюжія мужскія фигуры; и только схваченная крѣпко за плечи, она испуганно вскрикнула...

„А, старая плутовка, рассчитывайся, доставай кошну, намъ къ празднику деньги зандобились“, заговорилъ грубый голосъ. Собравшись нѣсколько съ духомъ Анна умоляюще заговорила: „пожалуйте Христа ради меня ради свѣтлаго дня, не губите себя и меня, пустите, вонъ въ этомъ въ ящичкѣ возьмите что есть“. Одинъ изъ грабителей бросился къ столу, досталъ завернутые тряпичкой деньги.—Этимъ, старая, ты насъ не проведешь, какія тутъ деньги, всего полтора рубля, ты намъ покажи настоящія твои деньги“.

— „Видитъ Богъ, больше нѣтъ у меня ничего, все обыщите, все возьмите, только пустите душу на покаяніе“.— „Нѣтъ, видно съ ней честью не раздѣлаешься“... И разбойники, заткнувъ платковъ ротъ несчастной, связавъ ей руки, стали изъ принесенной съ собою веревки дѣлать петлю. „Вотъ угостимъ этимъ гостинцемъ, такъ небось скажешь“, нагло смѣялись грабители, схвативъ несчастную, беззащитную Анну и поднеся ея въ петлѣ... Вотъ ужъ толстая веревка коснулась ея шеи, мучители медлили завершить свое злодѣйство. Одинъ изъ нихъ поддерживалъ Анну и не давалъ петлѣ окончательно захлестнуть ее... Въ эту минуту въ окнѣ блеснулъ свѣтъ отъ зажженныхъ около храма плашекъ. Другой же, отыскивая деньги во всѣхъ углахъ избышки, случайно заглянулъ въ окно: высокій ярко освѣщенный красивый храмъ отчетливо выился во тьмѣ.

Разбойникъ остановился, точно вкопанный, ему вдругъ съ поразительною ясностью вспомнилось то, что совершается теперь тамъ, въ храмѣ, и то, что дѣлаютъ они здѣсь въ этотъ великій полуночный часъ... Глубоко заснувшая совѣсть его пробудилась.

„Нѣтъ, правда ея, нигдѣ, ничего нѣтъ,“ проговорилъ онъ товарищу, „пусти ее, да уйдемъ скорѣе отсюда“...— „А нѣтъ, такъ пусть же ее издыхаетъ!“ отвѣтилъ тотъ, все еще убѣжденный, что деньги гдѣ нибудь спрятаны... „За чтожь, она не виновата,пусти ее, пусть живетъ,“ убѣждалъ его товарищъ.

— „Да что ты очумѣлъ что ли, вѣдь она же тебя въ лицо знаетъ, какъ же живую то—ее пустить“? И при этихъ словахъ онъ выпустилъ Анну изъ рукъ, веревка впилась въ ея шею, въ глазахъ помутилось... Точно во снѣ послышалось ей: „побойся Бога, Христось вѣдь воскресъ, а мы что дѣлаемъ!“ И блестящій ножъ сверкнулъ надъ головою Анны, веревка мгновенно была перерѣзана, несчастная, безъ сознанія, грузно ударилась о полъ; разбойники же точно испуганные паденіемъ тѣла, поспѣшили скрыться въ полуночной мглѣ.

На утро событія ночи извѣстны были всему селу. Нану-ганная, измученная старушка долго проболѣла, но видно не насталь еще часъ ея переселенія въ иной міръ; она оправилась, встала и еще глубже погрузилась въ молитвенные подвиги.

Не скрыла она отъ людей, что одинъ изъ обидчиковъ былъ лично ей извѣстенъ, но на всѣ убѣжденія выдать его, чтобы отдать его въ руки правосудія, она твердила одно: „Богъ съ нимъ, онъ же устыдился Воскресшаго, не далъ мнѣ погибнуть, стало быть еще таится въ немъ искра Божья! Богъ съ нимъ“.

„Да, свѣтель лучъ твоего Воскресенія, Господи! Проникаетъ онъ и въ душу падшаго разбойника“... прошепталъ о. Никаноръ. Въ это время съ колокольни гулко покотился первый ударъ полуночнаго благовѣста... Встрепенулась добрая душа о. Никанора, трижды осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменіемъ, постоялъ еще нѣсколько на крыльцѣ, слушая какъ въ тишинѣ ночной дружно перекликались вѣщуны молитвы. Потомъ сталъ собираться къ Богослуженію.

Радостно вступалъ онъ въ родной храмъ, гдѣ уже третье десятилѣтіе приносилъ безкровную жертву. Онъ по опыту зналъ, что насталь часъ лучшій изъ всего года; онъ былъ убѣжденъ, что въ этотъ часъ, какъ никогда въ иное время, душа человѣческая особенно раскрывается для теплой молитвы, и никогда еще въ ней такъ быстро не зарождаются истинно христіанскіе порывы. Сердце о. Никанора было исполнено умиленіемъ и благодарностью къ Богу за то, что еще разъ Онъ сподобилъ его слиться съ любимой паствой въ торжественной, полуночной молитвѣ...

Св. Плащаница. ¹⁾

(Историческая справка).

На вечернѣ великой пятницы, въ страстную недѣлю, при пѣніи стихиры Симеона Логовета— „Тебе одѣющагося свѣтомъ яко ризою“ и тропаря „Благообразный Іосифъ съ древа снемъ пречистое тѣло Твое“, совершается благоговѣйно-чтимый православнымъ людемъ церковный обрядъ—выносъ и поклоненіе священной плащаницѣ. Православные христіане привыкли къ этому торжественно-печальному обряду и полюбили его. На великопѣтничную вечерню во всѣ церкви, особенно же, гдѣ совершается архіерейское богослуженіе, стекаются тысячи православныхъ всѣхъ возрастовъ.

Россія до XIV-го вѣка не знала обряда выноса и поклоненія св. плащаницѣ. Въ XIV вѣкѣ, съ принятіемъ у насъ іерусалимскаго богослужебнаго устава, на утренѣ великой субботы, послѣ великаго славословія было положено пѣніе тропаря „Благообразный Іосифъ“, служащее началомъ появленія этого обряда. Въ то-же время къ священнымъ евхаристійнымъ одеждамъ были присоединены заимствованные изъ Греціи воздушы, т. е. большіе покровы, возлагаемые на Св. Дары по перенесеніи ихъ съ жертвенника на престолъ. Возложеніе третьяго большаго плата, или воздуха, знаменовало прикрытіе большимъ камнемъ гроба Господня Іосифомъ Аримаѣйскимъ, почему и сопровождалось пѣніемъ тропаря „Благообразный Іосифъ“. Воздухи были жертвуемы въ монастыри и соборы богатыми прихожанами, радѣвшими о матеріальномъ достаткѣ своихъ храмовъ; они украшались золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, на болѣе цѣнныхъ вышивалось иногда „положеніе Христа во гробъ“. Въ Греціи такой воздухъ назывался эпитафійонъ и употреблялся въ тѣхъ же службахъ и также, какъ у насъ теперь употребляется плащаница. Въ теченіе времени отъ Пасхи до Вознесенія два священника носили эпитафійонъ на главахъ во время великаго выхода за Св. Дарами. Съ XVI вѣка и въ Россіи былъ введенъ обрядъ ношенія воздуха во время входа съ евангеліемъ на утренѣ великой субботы; входъ завершался поклоненіемъ и цѣлованіемъ воздуха, послѣ чего онъ полагался съ евангеліемъ

¹⁾ Изъ Рязан. Епарх. Вѣдом.

на престолѣ; тогда же (т. е. въ XVI вѣкѣ) греческій эпитафіонъ получилъ въ Россіи названіе „плащаница“. Къ XVI вѣку и слѣдуетъ собственно относить появленіе св. плащаницы въ русскихъ православныхъ церквахъ, хотя въ это время она не имѣетъ еще общаго употребленія, являясь достояніемъ только нѣкоторыхъ особо чтимыхъ храмовъ. Въ XVI вѣкѣ обрядъ выноса плащаницы получилъ въ Россіи еще большее распространеніе, но не былъ обязательенъ; введеніе это зависѣло отъ того, имѣли ли церковь плащаницу и достаточное число священнослужителей для совершенія обряда. Вслѣдствіе необязательности употребленія плащаницы въ прежнее время, въ церковныхъ книгахъ нашихъ не существуетъ опредѣленнаго устава о ея выносѣ,—и выносъ въ различное время совершался различно. Въ уставѣ 1553-го года сказано, что на утренѣ великой субботы, послѣ великаго славословія игуменъ со священниками и діаконами, облачившись въ ризы, выходятъ съ евангеліемъ и воздухомъ, которые несутъ на головахъ; тотчасъ по выносѣ братія цѣлуетъ воздухъ и Евангеліе, послѣ чего полагаютъ ихъ на трапезѣ—престолѣ. Въ обиходникѣ Антоніево-Сійскаго монастыря (XVI-го вѣка) входъ этотъ и описанъ подробно; такъ, тамъ сказано, что по окончаніи канона и свѣтильна игуменъ шель въ большую церковь, гдѣ облачался въ полное священническое одѣяніе; то же дѣлали и все участники выхода. По окончаніи славословія, изъ алтаря выходили пѣвчіе, за ними пономари со свѣчами, діаконъ съ кадиломъ, далѣе священники, несшіе воздухъ, шестіе замыкалъ игуменъ въ евангеліемъ. Выходъ сопровождался попеременнымъ пѣніемъ „Святый Боже“. Обратио входили въ алтарь священствующіе участники процессіи чрезъ царскія врата. Діаконъ произносилъ „Премудрость, прости“, послѣ чего читался тропарь пророчества и пареміи. Воздухъ полагался на престолѣ, гдѣ и оставался до субботняго дня Пасхи, когда послѣ литургіи его снимали съ престола и убирали на обычное мѣсто. Въ нѣкоторыхъ церквахъ на утренѣ великой субботы выходъ съ евангеліемъ совершался на средину храма и даже въ трапезную,—причемъ евангеліе полагалось на аналой; послѣ окажденія евангелія и возгласа „Премудрость, прости“, чтець пѣлъ тропарь „Благообразный Іосифъ“ и читалъ паремію. Въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ выходъ съ воздухомъ бывалъ въ большаго храма въ малый.

Въ началѣ XVII-го вѣка въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ обряда поклоненія и выноса плащаницы не существовало, хотя большой воздухъ былъ въ церковномъ употребленіи на

страстной седмицы и получилъ уже названіе „плащаницы“. Въ Троицкомъ уставѣ начала XVII вѣка о входѣ на утреню великой субботы сказано, что архимандритъ, облачившись во все священныя одежды, идетъ съ евангеліемъ подъ плащаницей, которую несутъ священники; изъ алтаря выходили съверными дверьми; въ выходѣ участвовали также два пономаря съ подсвѣчниками, два діакона съ ршидами и два съ кадилами, совершавшіе безпрестанное кажденіе около плащаницы. Въ время выхода отпращивалось пѣніе „Святый Боже“; кромѣ плащаницы носились воздухи, но поклоненія плащаницѣ не было, — кланялись и воздавали цѣлованіе на первомъ часу св. иконѣ праздника. Выносъ плащаницы на время всей утрени великой субботы въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ стали совершать около половины XVII-го вѣка. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ обрядъ пошенія плащаницы вокругъ храма существовалъ уже въ началѣ XVII-го вѣка.

Въ цвѣтной Трїоди московскаго изданія XVII-го вѣка на утрени великой субботы послѣ тропарей на „*Богъ Господь и явился намъ*“ положено выносить на средину храма и ставить на аналоѣ изображеніе праздника и раздавать свѣчи братіи, но о плащаницѣ никакихъ упоминаній нѣтъ. Въ печатномъ уставѣ 1610 года входъ на утрени великой субботы описывается такимъ образомъ. Во время великаго славословія игумень вмѣстѣ съ іереями и діаконами входитъ въ алтарь и облачается во все священныя одежды, а іереи облачаются только въ ризы. Тотчасъ по облаченіи, игумень, принявъ евангеліе, въ сопровожденіи іеромонаховъ съ воздухами и діаконѣ съ кадиломъ, при пѣніи Трисвятаго, выходитъ изъ алтаря и останавливается предъ царскими вратами до окончанія Трисвятаго; затѣмъ діаконъ возглашаетъ „Премудрость, прости“ и на клиросѣ поютъ тропарь „Благообразный Іосифъ. Послѣ отпуска бываетъ цѣлованіе св. иконы праздника.

О выносѣ плащаницы на средину храма для поклоненія и цѣлованія ея нѣтъ указанія до конца XVII-го вѣка; въ концѣ же этого вѣка, а именно, въ Типиконѣ 1682 года, установлено, по выходѣ на средину храма, полагать св. плащаницу на особомъ столѣ, устроенномъ въ видѣ гроба, и послѣ отпуска совершать цѣлованіе плащаницы, или, гдѣ нѣтъ ея, иконы праздника; причемъ поютъ на клиросѣ „Приидите, ублажимъ“.

ЖИТИЕ ¹⁾

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО Евѳиміа,
архіепископа,

НОВГОРОДСКАГО ЧУДОТВОРЦА. ²⁾

Сего убо блаженнаго Евѳиміа ³⁾ родителіе великаго Новаграда бяху, отецъ Михей именемъ, служитель святаго Феодора, ⁴⁾ и жена его Анна именемъ, законно тому сопряжена и законно живущимъ, но чадъ не имѣющимъ, и осемъ не малу печаль имуще. Тѣмъ-же начаша Богу молитися, паче же Пречистѣй Богоматери, о разрѣшеніи тѣхъ неплодства. И понеже, молитву тѣхъ Богу услышавшу: зачаша, и родиша сего блаженнаго отрока, и по рожденіи того крестина во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и нарѣкоша имя ему Іоаннъ. И еще ему въ пелѣнахъ сущу, принесоша родителіе того въ церковь, идѣже бяху молишася о дарованіи чадъ, и предъ иконою Матери Христовы отрока повергше, рекоша: се царице и владычице, еже Ты даровала еси намъ, сія Тебѣ приношаемъ. Еже бо изрекоша въ печали устны наша, сія Тебѣ съ радостію воздаемъ, яко владычицѣ и царицѣ: Ты же соблюди его, якоже Ты Сама восхощеши. И понеже, яко младенцу сущу, и не могущу безъ матери быти, наки относимъ бываетъ матерію своею въ домъ. Таже Божественною благодатію сѣбѣ отроку растущу, и времени пришедшу, вданъ бысть учитися Божественнымъ книгамъ: тѣмъ же тому сѣбѣ писанія извыкну: абіе во иныхъ не упражнятися, развѣ, еже въ Божественное ведущихъ. Доспѣвшу же, ко иже пятнадцати лѣтомъ возраста, любовію Божественною возгорѣся, восхотѣ отрещися мірскаго пребыванія, и быти инокомъ. Сему невѣдущу, на что баше позваніе его и изволеніе таково.

Богъ же свѣше зряше, хотящая быти отъ него на послѣдокъ, лже и сбыхася въ свое время, яко же явить нынѣ.

¹⁾ Повг. Епарх. Вѣд. 1896 г. № 9-й.

²⁾ Списано священникомъ Пахоміемъ Сербикомъ.

³⁾ Память его марта въ 11 день.

⁴⁾ Т. е. священнослужитель церкви св. Феодора великомуч.

О монастырь, иже на Вяжищахъ.

Прежде нѣкихъ немногихъ лѣтъ, инокъ нѣкій Евфросинъ именемъ и иніи иноки Игнатій и Галактіонъ, по Бозѣ живуще, помыслиша міра уединитися, и мѣсто избрѣтше, тамо прочее и жити, и избрѣтши мѣсто Вяжищы зовомо, лѣсъ точию имущее и блато, а ино ничтоже. И яко придоша до мѣста того, слышаху благоуханіе нѣкое въ мѣстѣ томъ, и помыслиша не просту вещь, но паче нѣкое Божіе смотрѣніе: тѣмъ же ту келліи водрузиша, таже и домъ молитвенный, си рѣчь часовню, во имя святаго архіереа Христова Николаа. Приде же къ нимъ нѣкій священникъ Пиминъ именемъ, хотя сожителствовати тѣмъ: тѣмъ же согласившеся, поставиша церковь деревяну, во имя того же чудотворца Николаа: и тако бѣяху живуще пустыннымъ житіемъ. Многое же зло пріимаху отъ тамо сущихъ жильцевъ, паче же отъ вельможи нѣкоего, за еже нехотяше быти ту инокомъ: но сія вся отъ вражія навѣта бяху. Чудотворецъ же Николай, иже нигдѣ не оставляетъ своему храму скудну быти, но вселчески питае тѣхъ: вельможи тому, иже близъ монастыря того житіе имаетъ, нѣкій струнь золъ на нозѣ родися, и отъ того много страдаше. Тѣмже святому Николаю нача молитися, и тако исцѣленіе получи. Посихъ приде въ монастырь и тамо помолвися, предаде село святому монастырю, и иже есть и до нынѣ близъ монастыря того: и оттолѣ вѣру стяжавъ тому мѣсту святаго Николаа. Тѣмже благодатию Христовою, и помощію святаго Николаа, нача множитися мѣсто то. Предреченный же Пиминъ, первый священникъ и игумень мѣста того бысть. Къ сему по смотрѣнію Божію и сей блаженный отрокъ Іоаннъ приде, и молить его, еже возложить на нь иноческій образъ. Игумень же Пиминъ видѣ того, яко отъ Бога послана, прія и во Ангельскій образъ того облече, и нарече имя ему Евѳимій. Сіе же не безъ Божія воли баше бываемое, но паче Онаго промышленія дѣло, яко да паче Его ради прославится мѣсто то, якоже и бысть по времени. Таже тому нѣкое время въ монастырѣ живущу, и во всемъ повинующуся настоятелю и братіи, яко многимъ дивитися. и похвалити, паче же въ таковой юности многолѣтній разумъ. Тѣмже и отъ сего всѣмъ, и прежде совершеннаго возраста, начальника чинъ на немъ выдашеся. Сему тако бывающу, Сумеонъ архієпископъ слышавъ о немъ, призываетъ его къ себѣ: и видѣвъ того благое произволеніе и довольна въ

словѣ, возлюбилъ его зѣло, и казначей церковному имѣнію того, аще и не хотящу ему монастыря отлучатися, устрояеть. Сей убо первый казначей во иноцѣхъ бысть, яко же и лѣпо есть: прежде бо того въ древнихъ, вси казначей міряне бяху. И вся добре правящу ему, держася своего перваго подвига, и иноческаго правила ничтоже остави, якоже и прежде, егда въ монастырѣ блше. Ниже наки возвысился умомъ, занеже въ таковой власти сый, но тако соблюдаше цѣло своего смиренія цѣломудріе. По сямъ нѣкіимъ лѣтомъ прешедшимъ, владыка Сумеонъ ко Господу отходитъ, добре унасе церковь преиде къ вѣчному блаженству. По семъ возведенъ бысть на архієпископство Евѡмій. ⁵⁾ Сей иже казначей Евѡмій, о немъ же намъ слово, отходитъ въ монастырь святаго Спаса, иже и Хутынь именуется, и тамо житіе имяше. По семъ времени старцы монастыря Пресвятыя Богородицы иже на лисичи горѣ, ⁶⁾ мольбою возведоша того на игуменство во свой монастырь. Тамо бывшу ему настоятелемъ, всѣмъ образъ доволенъ быше къ наказанію: всѣхъ миловаше, и всѣмъ купно честь даяше. По сихъ временахъ Архієпископъ Евѡмій оставль пняѣшній вѣкъ, къ вѣчнымъ обителемъ мирно преиде. По семъ всенародное множество Великаго Нова-града возлюбивши Евѡиміа на архієпископскій престоль, тѣмже и въ жребій того поставиша, невѣдаху, яко отъ юности на сіе быше, якоже пишетъ во пророцѣ: и не содѣланное мое, видѣста очи твои. Сія, Яко мню, глаголетъ, еще и небывшую, и хотящую быти въ чловѣкѣ злону, или добродѣтель. Тѣмже, како можетъ чловѣкъ пріяти, еже недано ему свыше; Апостолу же глаголющу: яко всякая власть отъ Бога поставляется. Тогда якоже прежде рѣхомъ, всенародное множество великаго Нова-града да и священныхъ ликове, жребія запечатлѣвши и въ великую церковь Премудрости Божія принесше, на престоль положиша. ⁷⁾ Но тогда еже о жребіи чловѣческое быше: а еже кому будетъ содержати таковой высокій престоль, Божіе быше

⁵⁾ Евѡмій первый по прозванію „Брадатый“, правящій Новгородскою наставою предъ святителемъ Евѡиміемъ вторымъ слишкомъ пять лѣтъ.

⁶⁾ Лисичій или лисичій Рождество-Богородицкій мужской монастырь находился въ 7 верстахъ къ сѣв. отъ Новгорода и въ 3 верстахъ отъ Хутынскаго монастыря, на правомъ берегу Волхова. Упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1391 и 1395 гг. но существовалъ, вѣроятно и ранѣе. Въ XVII в. приписанъ къ Иверскому монастырю въ 1764 г. упраздненъ. Но въ началѣ XIX в. здѣсь еще существовала церковь Рождества Богородицы, другая же разобрана въ 1781 г. для ограды Антоніева монастыря. Слѣды монастыря замѣтны по оставшемуся кургану. Звѣринскій. О правосл. мон. II т. № 908

⁷⁾ Таковъ былъ обычный въ древности порядокъ избранія Новгородскаго владыки.

бываемое. ⁸⁾ И изволеніемъ Божиимъ и судомъ, Евоимій въ жребіи бысть, еже тому содержать престоль. И съ радостію текоша къ блаженному, честно того въ домъ Премудрости Божія возведоша, на память святаго Іоанна Златоустаго, ⁹⁾ много тому отрицающуюся и не хотящу, паче же и недостойна такому сану себе нарицающую: но вси достойна того такому пастьрству глаголаху. Обаче тогда въ преподобныхъ чину пребываніе митрополиту тогда не сущу, ¹⁰⁾ прешедшимъ же шести лѣтомъ, отъиде во градъ Смоленскъ, митрополиту тамо сущу, и тамо совершенный санъ Архієпископства приємлетъ, рукою преосвященнаго Герасима митрополита Кіевскаго. ¹¹⁾ Тамо премудростію и разумомъ всехъ удиви, яко и самому тогда митрополиту удивитися и похвалити того разумъ. Сему тако бывающу, пакы съ великою честію въ свой великій Новъ-градъ возвращается, и тамо совершенно приємлетъ свой престоль. И яко видѣ тогда себе въ такомъ велицѣмъ санѣ, множае подвига касашеся паче перваго, помышляя реченное емуже дано будетъ много, много и възыщется отъ него. Сего ради тшашеся, не въ тридесять, или шестьдесятъ но во сто плодъ принести, по Евангелію. Первее убо егда не баше въ такомъ велицѣмъ святительства санѣ, тогда о единой душѣ своей печашеся, нынѣ же о многихъ потреба есть пецися како съ дерзвеніемъ рещи: се азъ и дѣти моя, еже ми далъ еси. Сія и ина многа помышляше любомудренная она душа: и многа смущенія бяху въ того сердцѣ, но вся на Бога возлагаше, иже надежды, и не погрѣши.

О милостыни блаженнаго Евоиміа.

А еже о милостыни вси разумѣють, тайная же и сердечная, иже по вся дни творимая. Богу Единому свѣдома. Не певѣмъ же, аще и инѣхъ отъ странныхъ, или отъ чужихъ странъ приходящихъ, всехъ любовію упоковаше, всехъ по достоинству миловаше. Авраама бо страннопримца подражатель бысть. Глаголаше въ мысли своей: не моя суть, но вся Божія.

⁸⁾ Т. е. жребіи полагались на престоль для того, чтобы Самъ Богъ оправдалъ сужденія челоѣческія, выраженные чрезъ жребіи и избралъ Себѣ святителя.

⁹⁾ По каталогу въ лѣто 6937 отъ Р. Хр. 1429 (Рукоп.).

¹⁰⁾ По смерти митрополита всея Руси Фотія. Причиною долгаго непосвященія Евоимія въ санъ святительскій служили также и смуты Новгородскія и дурныя отношенія къ Московскому князю.

¹¹⁾ По каталогу въ лѣто 6942 отъ Р. Хр. 1434. (Рукоп.).

Не токмо же сія едина въ Новѣ-градѣ бываху, но паче рука его простерта повсюду дальнѣмъ, даже до Константинь-града, святыя горы, и до самаго Іерусалима, и далѣе. И просто рещи: бысть око слѣпымъ, по Іову, и ухо глухимъ, и нога хромымъ и всемъ всяко.

О постѣ же и о воздержаніи того немощно есть и исповѣдати: въ таковыхъ бо мірскихъ мятежахъ, никогда же что, ни мало, въ молитвахъ правила погрѣши. А еже нѣчто мало, ради градскихъ молвъ не поспѣвашеся, то нощи пришедшей паче усугубоваше. Имяше бо всегда блаженный обычай, до часа утрени все свое пощное и дневное славословіе отпѣти: по сихъ же самъ въ церкви первѣе всѣхъ обрѣташеся. Во святую же четыредесятницу, всю первую недѣлю, ничтоже входаше во уста его, даже до субботы. Въ прочія же недѣли чрезъ день ядаше, не до сытости, кромѣ субботы и недѣли. Сіе же правило соблюдаше и въ прочіе посты, глаголю же: верховныхъ Апостоль, Успенія Пресвятыя Богородицы, и Христова Рождества. А иже посредѣ тѣхъ разрѣшенные дни во ястіяхъ и питіяхъ, со опасеніемъ вся творяше. Правило же келейное, отъ нележе на престольъ взыде, въ постъ же и въ прочіе дни, ничто же никако умали.

Нача же и Божіимъ церквамъ прилежати, обѣтшавшіе обновляя, а иныя отъ основанія новыя въ славу и честь святыхъ воздвизая: не едину, или двѣ, но многое множество. Тогда нѣчто мало отъ великихъ пріиде къ великому храму Премудрости Божія. возведи ¹²⁾ окрестъ очи свои, и тамо узриши пресвѣтлыя храмы святыхъ яко звѣзды, или горы стоящія, иже отъ него созданныя. Сице и не гласомъ, вещми же вопіють, и свою красоту по разнству повѣдаютъ: яко вещь ми сію архіепископъ Евѣмій дарова. Иныя же церкви, яко хвалящіяся и свое благолѣпіе являющія: вещми (каждо глаголетъ) сими мене украси. Иная же приглашаетъ: той вещми и мене отъ основанія воздвиже. Храмъ же великаго Іоанна Златоустаго высоко стоя, иже отъ него созданный, яко рукою благословляя, глаголетъ: понеже храмъ воздвиже на земли, азъ умолю Творца храмъ тебѣ даровати на небесѣхъ. Великій же храмъ Премудрости Божія, яко градъ царя великаго посредѣ ихъ стоя, иже многими лѣты обѣтшавшъ, той въ прежнее благолѣпіе обнови, и многими добротами, и иконами украси: яко перстомъ того

¹²⁾ Здѣсь описывается въ поэтической формѣ построение храмовъ свителемъ Евѣміемъ.

показуя, глаголетъ вещи къ нему: се убо красота моя и похвала церкви, Евѳимій великій, иже отъ него созданный, яко похваляяся имъ къ Богу, о немъ глаголетъ: се азъ и дѣти, аже ми далъ еси. Тѣмже, иже ту сущій церкви, яко старѣй и честнѣйшей выше похвалу воздающе, яко матери и царицѣ, иже въ себѣ такова Святителя стяжавшей. Таже архіепископъ Евѳимій, яко посредѣ ихъ стоя, недоумѣваяся что противу рещи, рущѣ воздѣвъ къ высотѣ, глаголетъ: Господи, возлюбихъ благолѣпнѣ дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея. И тако убо вси во едино согласіе Того похваляютъ.

По семъ блаженный Евѳимій помысли палаты каменны воздвигнути, занеже первѣе древяны бяху, и многажды отъ огня поймаемы, и сего ради каменные восхотѣ сотворити, не пристрастіе имѣя кое, но своея ради памяти, и иже по немъ хотящихъ быти, тѣхъ ради упокоенія, имяше же и духовна нѣкоего инока казначея хитра суща и художна къ того умышленію, Феодора именовъ; иже того мноу велика предѣ Богомъ, его же и самъ архіепископъ свидѣтельствоваше, истина челоуѣка быти Божія, глаголють же о немъ, яко елика притяжанія того бяху, рекше уроки или дары, сія вся въ руки нищимъ даяше, а ина церквамъ. Блаженному Евѳимію того художна и смысленна видѣвшу, призва и того къ замышленію зданія. Тѣмъ же блаженный Евѳимій созидае палаты пречудныя, аще и гдѣ индѣ переходы имущи и врата, подобны градскимъ улицамъ: овый тамо, иный инамо: овый горнѣйшій, иний же дальнѣйшій, ова предняя, иная же средняя, и иная инамо. Но убо сія писаніемъ сказати неможно, аще не самъ искусъ научить иже своими очима видѣти. Шарми же и подписаньми украси та, и не сія едины, но много и иныхъ. Таже и келліи къ упокоенію иже тамо инокомъ, и иная же рукодѣльникомъ, поварня же и хлѣбня, и вся поряду каменно сущо устрои. Тако же и столпъ камененъ зѣло высокъ посредѣ сада своего на висоцѣ мѣстѣ водрузивъ имущъ и часы предивны вельми верху столпа, иже весь градъ оглашаетъ. ¹³⁾ И ина многа и неисчетна его зданія, елико не мощно исповѣдати. ¹⁴⁾

¹³⁾ Эти постройки святителя Евѳимія существуют и до нынѣ съ его именемъ.

¹⁴⁾ Достоинно вниманія, что при святителѣ же Евѳиміи открыты мощи архіепископа Іоанна, и установлено празднованіе 4-го октября памяти преставившаго князя Російскимъ, почивающимъ въ Св. Софій и всѣмъ архіепископамъ великаго Нова-града м. Новг. Еп. Вѣд. 1896 г. житіе св. Іоанна стр. 808—810, № 13. Архіепископское установленіе это и нынѣ строго соблюдается 4-го октября. Въ Софійскомъ соборѣ поводомъ къ установленію было слѣдующее. Однажды въ 1439 г. пономарь Ааронъ, въ

Весьма же нужно быше въ такомъ уставленномъ святительскомъ санѣ, еже согрѣшающихъ исправляти. За еже слушающая Павла глаголюща: научи, накажи и запрети. Рекше: научи первѣе кротостію, и аще ты не послушаешь, накажи и запрети, да не како исправится. Такожде и блаженный Евѣимій учаше, и не послушающаго запрещаше. Усты яко гнѣваяся сердцемъ же о тѣхъ моляшеса, да негли Богъ обратитъ. Аще иѣщыи богатствомъ и саномъ велицы законопреступно дѣяти хотяше, тѣмъ зѣло запрещаше, паче же о брацѣхъ, иже незаконно совокупившеса, аще же иѣщыи моленіемъ, или даяніемъ, или паки народными мольбами, хотяще того умолити еже тѣхъ не обличати и не зепрещати, но никто никакоже возможе въ немъ сія избобрѣсти и до того сія творя еже исправится. А еже вѣдѣаше праведное не послушающа, на Божій возлагаше судъ и Богъ сія по воли того исправляше.

Имѣя же обычай сей блаженный Евѣимій, еже часто посѣщати монастырь, въ немъ же второе породися духовне, рекше: пострижеса, Вяжища зовомый. И помысливъ церковь каменную воздвигнути, еже и сотвори: воздвиже бо церковь зѣло красную во имя того же чудотворца Николаа, и всякими добротами украси, подписанными иконами: бяше бо ему обѣщаніе, еже по своемъ преставленіи положену быти въ томъ монастырѣ. Вѣра же его къ святому тому мѣсту зѣло превелика: зданія бо того, или даянія, не можно изчислити, наипаче же, елика отъ священства, или отъ оброка святительска прихождаху. Болгаре же

чредѣ своего служенія, проводя ночь виѣсть съ товарищами въ соборной церкви Премудрости Божіей, увидѣвъ не во снѣ или привидѣніи, но явно прежде отшедшихъ святителей Новгородскихъ, которые церковными дверьми исходили всѣ изъ притвора; сами собою отверзались предъ ними двери, и такъ шествовали они во святыи алтарь чрезъ царскія врата. Объятый страхомъ, Ааронъ лежалъ на своемъ одрѣ и въ ужасѣ не смѣлъ разбудить своихъ товарищей, которые спали, ничего о томъ не вѣдая. И вотъ, не много спустя, святители всѣ вышли изъ алтара, въ полномъ облаченіи какъ бы на литію, чинно одинъ за другимъ, по степени старѣйшинства своего и, ставъ предъ корсунскою иконою Пречистой Богородицы, начали совершать молебное иѣніе; голосъ ихъ онъ слышалъ, но словъ произносимыхъ не могъ уразумѣть. Съ часъ времени молялись святители предъ иконою и потомъ возвратились всѣ во сватыи алтарь, и Ааронъ богае ихъ не видѣвъ и не слышалъ ихъ гласа. На разсвѣтѣ посѣщилъ Ааронъ къ архіепископу Евѣимию и, когда на утро собрался весь священныи соборъ, повѣдалъ предъ всеми свое видѣніе. Святитель обрадованныи такимъ чуднымъ явленіемъ, прославилъ Господа, говоря: „не оставилъ Богъ мѣста сего, молитвъ ради всѣхъ святыхъ архіепископовъ“. Самъ онъ тогда же соборне служилъ литургію въ храмѣ Софійскомъ и панихиду по всѣмъ архіепископамъ; въ зтотъ день была трапеза для всѣхъ соборянъ и роздана обильная милостыня нищимъ. (Прот. Сихомировъ. Каедрa Новг. святит. стр. 255—256).

и вельможи великаго Нова-града, и все народное множество, видяще такую вѣру къ тому мѣсту святаго Николаа, тщашеся всячески поревновати тому милостынею и приношеніемъ.

Прешедшимъ же многимъ лѣтомъ, видѣ себе отъ старости изнемогша, разумѣваше, еже не помнозѣ ко Господу свое отхожденіе, тѣмъ же и подвига большаго касашеся. Желаніе же веліе имяше, аше мощно при своемъ животѣ, въ томъ же монастырѣ воздвигнути церковь теплую вкупѣ съ трапезою, святому возлюбленному апостолу Христову Іоанну Богослову. Тѣмъ же векорѣ зодчій собравъ дѣлу касатися велише. Елма же онъ начинаше, Богъ тому много паче споспѣшествоваше. Начавъ постъ великій, пришедшу же пресвѣтлому всего міра Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, празднику, братія тогда ядоша въ трапезѣ той, аще и не совершена бяше. И помалѣ помощью Божіею и молитвами апостола, векорѣ церковь и съ трапезою совершена бысть. Восхотѣ же и подписати ю по изографы, рекше писцы, возбраняху тому, глаголюще: яко еще лѣто, или множае не мощно есть писати сырости ради, но потребно есть ждати, дондеже высохнетъ. Онъ же никако же тѣхъ слушаше, но повелѣ дѣлу векорѣ коснутися, еже и бысть. Толико бо желаніе имяше, еже совершитися церкви и трапезѣ, елико и Бога молити глаголя: Господи вседержителю, даруй ми поне единъ день видѣти церковь возлюбленнаго твоего съ трапезою совершившуюся, и тогда якоже хочени сотвориши. Богъ же молитвы его не презри: подписана бо бысть церковь и трапеза къ празднику сошествія святаго Духа и къ памяти святаго апостола Іоанна Богослова: и мастера вси совершивше прочее въ дома своя отъидоша. Блаженный же Евѣмій егда приде въ монастырь и видѣ церковь и трапезу совершившуюся, что не хотяше сотворити? толико бо возрадовася отъ всего сердца, елико отъ радости и слезамъ отъ очію его истекшимъ. и глагола къ Богу: Благодарю тя Господи челолюбче, яко не остави прошенія раба твоего, но сподобилъ мя еси, яко мой Творецъ и Владыка, еже отъ многа желяхъ видѣти, сія видѣхъ днесь своимъ очима. Толико же церковь святаго Іоанна Богослова прекрасна съ трапезою поставлена и подписанми удобрена, елико довольно очи зрящихъ улаждати. Сотвори же пресвѣтлый и многорадостный тогда праздникъ, братію же и всѣхъ довольно учредивъ и милостыню многу подаде. Толико же тогда веселіе бяше въ того души, елико ни во всей жизни его.

Лѣту же тому прешедшу и зимѣ наставшей, обычай имѣя-

ше блаженный Евѳимій, егда приходаше Великій страсти Христовы и Воскресенія постъ, тогда отхождаше отъ града мірскихъ ради молвъ, и въ монастырь святаго Николаа, иже на Вязицахъ приходаше, и тамо первую недѣлю совершаше, и паки по совершеніи недѣли возвращашеся во градъ. Но понеже первой недѣли пришедшей, не вѣлъ како случися, еже не ити тому въ свой обычный монастырь, или за еже нѣкотораго ради неуспѣха, или паки по смотрѣнію Божию; яко отъ нюду же позванъ быаше на таковой высокій санъ, тамо чисту Господеву душу предасть, еже и бысть. Пришедшей бо недѣли, отъ нея же постъ начинается, тогда въ тою недѣлю, яко же обычай есть цѣлованія съ прощеніемъ быти всѣмъ православнымъ. Тогда дѣти его посадники и бояре, и все множество человекъ нарочитыхъ, игумены же и священники и прочіи, яко мяху, еже къ тому въ тѣлеси жива видѣти, вси цѣловаху и вси прощенія просяху, вкупѣ же и той, яко чадолюбивый отецъ всѣхъ прощаше, и милостивно учаше, елико мощно въ чистотѣ проводить святыи постъ, паче же пѣнства удалятися, отъ него же вса злая начинаются. Многа же ина изрече къ тѣхъ спасенію вечеру приходящу, конечное, паче же послѣднее изъ градъ изыде, всѣмъ міръ и благословеніе оставль, прочее къ монастырю грядяше: тѣмъ же, вси того срѣтающе, яко бы видяще того преставленіе, вси кланяющеса прощенія прошаху: той же благословляше, и прощенія сподобляше. Пришедшу же ему въ монастырь Пречистыя Богородицы, иже лисича гора зовомъ, учредивъ ту братію довольно, и всѣмъ прощеніе и благословеніе давъ, и отъ нихъ прощеніе пріимъ, отходитъ въ келлію свою, и тамо тоя недѣли постяся, и на соборное пѣніе ходя: и тоя же недѣли въ недугъ тѣлесный впаде. Разумѣвше же вси того болѣзненна зѣло, тягостиѣ и умилениѣ скорбаху о немъ. И уже часу приходящу, всѣмъ благословеніе и прощеніе даяше и отъ всѣхъ самъ прощенія просяше. И не быаше тогда въ немъ, во пеходѣ видѣти что скорбно, но тако радостно, якоже нѣдци иже многа времена въ чужихъ странахъ бывше, и паки возвращаются хотяще пріити въ своя отечества, радуются, такожде и сей еже разрѣшится тѣлесныхъ соузъ, радовашеся. Таже святыхъ и пречистыхъ Таинъ причастився, и хвалу Богови о всѣхъ воздавъ, честную свою и святую душу, мирно же и тихо Господеву предаде, ¹⁵⁾ мѣсяца въ одиннадцатый день, въ девятый часъ ноци, пасъ церковь Божию лѣтъ двадесять девять и

¹⁵⁾ По каталогу въ лѣто 6966, а отъ Р. Хр. 1458. (Рукоп.).

шесть мѣсяцовъ. Изліяся же тогда нѣкое благоуханіе тамо. И понеже якоже обычай есть о преставльшихся сотворити, обрѣтоша на немъ вериги тяжки обложена того, подобно схимѣ. Сего никтоже въ жизни его, на немъ видяше. Видѣвши же вси прославиша Бога. Егда же слышано бысть всѣму множеству великаго Нова-града блаженнаго преставленіе, тогда собрашеся многое множество тамо. Игумени же и священницы и прочіи вси, иже путіе къ тому монастырю вѣдуще, речнымъ быстринамъ подобяхуся текуще. Вси скорбаху и вси тужаху, пастыря отшетившеся, отеческаго разлученія не терпяще. Тѣмъ же оттуду по того завѣщанію, честныя его мощи со славою и любовію взявше, въ превеликую церковь Премудрости Божія принесоша, и псалмопѣніемъ и нагробными пѣснями яко отца и пастыря почтоша. Таже оттуду, якоже самъ повелѣ, взявше того честныя мощи, въ пречестный монастырь архіереа Христова Николаа, въ свое ему постриженіе, иже Вяжища зовомо, принесше, и тамо такожде псалмопѣніемъ надгробнымъ почетше, въ своемъ ему мѣстѣ честно положиша. Уже желѣзное, иже на немъ обрѣтоша, и иже на многа лѣта на своемъ тѣлѣ носилъ, верху гроба повѣсиша, отъ него же многа и различна исцѣленія бывають, паче же иже студеною болѣзнію страждущимъ, якоже изъявить послѣди.

Прежде же преставленія своего блаженный Евѡимій виде себе болѣзнію одержима, посылаетъ къ первопрестольнику Іонѣ митрополиту всея Россіи благословенія ради и конечнаго прощенія. И тамо посланному пришедшу, и ея же ради вины прииде, сіе получившу: первопрестольникъ бо написавъ своею рукою прощенную граому, посылаетъ съ нею нѣкоего священноинкока Еуменія именемъ, повелѣвъ тому прочетшу посланіе, въ руки вложить: но тому тогда не успѣвшу, и уже шестнадцатымъ днемъ по преставленіи блаженнаго Евѡиміа прещедшимъ: прииде Еуменій въ монастырь, въ немъ же блаженный положенъ бысть. И открывше гробъ обрѣтоша тѣло блаженнаго отца свѣтлосуще и цѣло, и ничтоже истлѣнію пострадавшо, но яко жива, или спяща, показуя душевную его чистоту, и еже отъ Бога воздаяніе. Но и рука его десная, яко живому тогда сущу бѣше благословяща видѣти. Тѣмъ же посланный отъ первопрестольника удивися о семъ, и рече: се разумѣхъ воистинну яко еще сохраняетъ Богъ великій Новъ-градъ и святое мѣсто сіе, молитвами сего святителя. Потомъ посланное посланіе, о благословеніи и о прощеніи прочетъ и въ руку того положивъ, наки гробъ закрываютъ дивлящеся чудеси.

Но понеже, обыче Богъ прославляющихъ Того прославляти, не токмо въ животѣ, но и по преставленіи. Якоже и сего блаженнаго Евѳиміа въ животѣ прослави, и страшна не покори́мымъ показа, тако и по смерти того прослави чудеса, якоже мало отъ многихъ явить писаніе.

Сказаніе о чудесахъ иже во святыхъ отца нашего Евѳиміа, архіепископа Новгородскаго и чудотворца.

1) Игуменъ того монастыря Варлаамъ, бывъ одержимъ студеною болѣзнію, приде ко гробу святаго и помолися, и того схіму желѣзную на себе возложивъ, абіе болѣзнь преста, и бысть здоровъ, благодареніе воздая Богу, и его угоднику блаженному Евѳимію.

2) Бояринъ нѣкій именемъ Матѳеѣй имяше сына Іоанна зовама. Сей Іоаннъ бысть главною болѣзнію одержимъ, и уже тому тако три лѣта страждущу, никому же могущу того исцѣлити. Пришедъ же въ монастырь, идѣже блаженный Евѳимій лежаше: поклонися святаму Николаю, и угроба святаго Евѳиміа бывъ и схіму желѣзную на себе возложивъ, яко николиже болѣвъ. И отъиде въ домъ свой радуясь, благодаря и славя Бога и Того угодниковъ Николаа и Евѳиміа.

3) Митрофану беларю тоя же обители въ ноци спящу и хотящу возстати къ утреннему славословію, абіе обрѣтесе нѣмъ и немогій ни что же глаголати, паче же и все тѣло его немощно бѣше. Слышавше же братія, придоша на посѣщеніе. Онъ же ничтоже могій глаголати, бѣды своея плакаше. Пребывшу же ему весь день въ болѣзни той и безъ гласа, токмо рукою помаваше, и никто же разумѣ, что хоцетъ. Вечеру приходящу братія вся болѣзноваху, за еже не малый служитель бысть монастыря того, и въ рукахъ все бѣше, аще серебряное, аще ли что иное. И сямъ убо вопрошающимъ его: онъ ничтоже могій проглаголати, токмо рукою помаваше ко гробу, идѣже блаженный Евѳимій лежаше. Сямъ недоумѣвающимся: онъ на гробъ святаго и на главу показуя. Братія же увѣдѣша, яко схіму желѣзную святаго Евѳиміа велить возложить на себе. Тѣмъ же яко принесоша къ нему, онъ съ великою вѣрою

на себе возложи, много молитвовахъ къ святому, абіе усну. Возбнувъ же обрѣте себе здрава и ясно глаголюща; и тако благодаревіе воздавше Богови, и Того угоднику блаженному Евфимію.

4) Нѣкая жена отъ нарочитыхъ Евфросиніа именемъ, имѣяше дщерь дѣву сущу Александру именемъ, иже боляше сія болѣзнію студеною. Тако ей не мало страждущей, мати ея посылаетъ съ служащими ея въ монастырь святаго Николаа, идѣже святой Евфимій лежаше. Пришедшей на ню тоя болѣзни, помолвишейся: возложеннымъ же тогда бывшимъ на шею ея веригамъ блаженнаго, абіе болѣзнь преста, и исцѣленіе получи. Возвратися убо дѣвица въ домъ свой хвалящи Бога, святаго же преславная чудеса величаючи.

5) Захарій нѣкто именемъ, служай архієпископу Великаго Нова-града Іонѣ, и сему тако случися студеною болѣзнію одержиму быти мѣсяць шесть, тако ему страждущу, приде въ монастырь, въ немъ же блаженный лежаше, и тамо помолися абіе болѣзнь преста. И въ монастырѣ два дня пребывшу, прочее хотяше отъйти ко граду. Игумену же и братіямъ глаголющимъ ему еще въ монастырѣ быти: тому же не послушавшу, ко граду отъиде. И близъ града ему бывшу, мзду ослушанія пріять. Паки студеныя болѣзни на него нападшей перваго паче, и паки возвратися въ монастырь святаго и чудотворцу Евфимію поклонися и вериги того на себе возложивъ. благодатію Христовою, помощію же святаго Николаа, а молитвами святаго Евфиміа бысть здоровъ. И милостыню давъ монастырю съ великою радостію во градъ возвратился.

6) Бысть нѣкто протодіаконъ соборныя великія церкви Премудрости Божія Софіи Теодоръ именемъ, иже еще при животѣ святаго Евфиміа, челоуколюбно показоваше о немъ. По преставленіи же блаженнаго Евфиміа, нѣкоимъ лѣтомъ минувшимъ, предреченный протодіаконъ въ недугъ тѣлесный впаде, и возжелѣ иноческаго образа, его же и сподобися, и наречено бысть имя ему Теодосій: и уже къ концу приближающуся и естества хотящу отдати долгъ: вопрошаемъ бываеть отъ иже на посѣщеніе къ тому пришедшихъ, гдѣ ему по преставленію положену быти? Онъ заповѣда въ монастырѣ Рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа погребети себе, близъ града сущемъ. Сія завѣщавъ послѣднее дыша. Блаженный же Евфимій

тому преславно является не нѣкимъ соннымъ явленіемъ, но на явѣ, яко живѣ сущи, и якоже въ животѣ виденъ быше. И яко видѣ того, радости исполненъ бысть и якоже отъ нѣкоего сна воспрянувъ, хотяше отъ одра возстати и поклонитися явившемуся тому, но не можаше. Абіе же повелѣваетъ и всѣмъ ту сущимъ знаменіе крестное на себе сотворити: онѣмъ же того вопрошающимъ о необычномъ того глаголаніи, и глаголющимъ къ нему: что видиши? Онъ же глагола имъ: яко блаженный Евфимій архіепископъ приде ко мнѣ, и зоветъ мя въ свой монастырь: молюся вамъ, яко да отнесете тѣло мое въ честную обитель, нарицаемую Вяжища, аможе и званъ быхъ. И сія рекъ помалѣ отъ тѣла изыде. Сродницы же его по того завѣщанію сотвориша, яко же повелѣ имъ и отнесоша его въ монастырь, идѣже лежатъ мощи блаженнаго Евфимія, и тамо его погребоша.

7) Бысть Великаго Нова-града клирикъ святаго соборныя церкви Премудрости Божіи, именемъ Сергій. Сему случися одержиму быти студеною болѣзнію: и примъ въ умѣ своемъ о святѣйшемъ архіепископѣ Евфиміи, какова исцѣленія просящимъ подаваше. Той такожде надѣяся приде въ монастырь рекомый Вяжища, въ немъ же гробъ быше честныхъ мощей предреченнаго архіепископа Евфимія, и помолися великому архіерею Христову Николаю, такожде иде ко гробу святаго и поклонися, и къ чудотворному его образу приложися, и честнымъ веригамъ знамена себе, абіе исцѣлѣ отъ злыя болѣзни тоя, пребысть же въ обители мало дней, отыде во градъ слава и хвала Бога и угодника его святаго Евфимія.

8) Бысть нѣкто христілюбець живой близъ обители святаго чудотворца Николаа глаголемыя Вяжища, именемъ Сумеонъ, служа у нѣкоего вельможи, отъ него же и посланъ бысть въ село, въ немъ же жительство имаше. Жена же онаго Сумеона Евдокія, студеною болѣзнію изнемогиши: слышавъ о святѣмъ семъ Евфиміи, колика Богъ творить чудеса его ради: совѣщавшися придоша въ монастырь идѣже лежатъ честныя мощи святаго Евфимія: понеже бо и вѣру имяху ко святому тому мѣсту. И ведоша ю ко гробу святаго, и отпѣвше молебная по обычаю, болѣзненная же припаде къ честнѣй рацѣ, образъ его лобызаючи, и честнымъ его веригамъ касашеся очима и лицемъ, и тако исцѣлѣ благодатію Христовою, и молитвами святаго Евфимія. И поставльше трапезу, отыдоша въ домъ свой сла-

вяще Бога и святаго Евфиміа. По семъ велію вѣру приложиша ко святому мѣсту сему.

9) Нѣкто отъ московскихъ предѣль рода боярска нарицаемый именемъ Евфимій, саномъ быше въ Новѣ-градѣ подъячей. сему такожде одержиму бывшу трасавицею. Слышавъ же о чудесѣхъ бывающихъ отъ гроба святаго Евфиміа архієпископа, наипаче же тою болѣзнію изнемогающимъ исцѣленіе подаваетъ. И приде въ монастырь рекомый Влжища, идѣже гробъ блаженнаго честныхъ мощей его, и поклонися святому Николаю. Таже иде ко святѣй рацѣ архієреа Христова Евфиміа, и помолися чудотворному его образу, и знамена честными веригами очи и лице, и молитвами святаго [Евфиміа] здравъ бысть отъ злыя тоя болѣзни и отиде во градъ хвалу воздая Богу и угоднику Его святому Евфимію, яко дарова ему исцѣленіе.

10) Бысть нѣкій отъ велика рода именемъ Никита, зовомый Романовъ. ¹⁶⁾ Сей быше въ та времена намѣстникъ Нову-граду. Случися ему одержиму быти студеною болѣзнію: и помысли о чудесахъ, бывающихъ отъ раки святѣйшаго архієпископа Евфиміа. Приде во обитель, идѣже лежать многоцѣлбныя мощи его. Вшедъ въ церковь святаго Николаа и отпѣвъ молебная, иде ко гробу блаженнаго Евфиміа, и припаде къ святѣй рацѣ облобыза, и честнымъ веригамъ приложися, и абіе молитвами святаго, дарова ему Богъ здравіе: отъ того бо часа никакоже чуяше въ себе болѣзни. Тогда и милостыню даде довольну игумену и братіи. Таже посланъ бысть великимъ княземъ самодержцемъ Россійскія земли Іоанномъ Васильевичемъ предреченный Никита, и съ нимъ воевода Георгій, нарицаемый Токмаковъ, въ землю свѣйскихъ нѣмецъ; и помощію Божією, а молитвами святаго Евфиміа, добре воевавшіе и взяша градъ Перновъ со всѣмъ имѣніемъ, и возвратишася съ честію великою.

11) Бѣ нѣкто отъ рода боярска Андрей нарицаемый Клубковъ. Сей быше присланъ въ то время великимъ [княземъ] самодержцемъ Іоанномъ Васильевичемъ діакомъ Нову-граду. И случися ему тоужде студеною болѣзнію одержиму быти вельми. И слыша отъ нѣкихъ, како бывають исцѣленія различнымъ недугомъ отъ раки честныхъ мощей святаго архієпископа Евфиміа: наипаче же отъ сея студеныя болѣзни избавляетъ. И то-

¹⁶⁾ Разумѣется родоначальникъ царствующаго дома Романовыхъ.

лику вѣру пріимъ въ себѣ, яко отложить ему всю немощь плотскую, и власть сана, и пѣшествовати ему отъ града до святаго мѣста, идѣже лежатъ многоцѣлебныя мощи архіереа Христова Евфиміа. И пріиде въ монастырь, вшедъ въ церковь святаго Николаа чудотворца, и отпѣвъ молебная. Таже иде ко гробу святаго архіепископа Евфиміа, припаде къ чудеснѣй рацѣ, яко ко источнику неисчерпаемому, и въ надеждѣ не погрѣши, и честнымъ веригамъ приложися, и облобыза, а по вѣрѣ своей и даръ исцѣленія воспрія: молитвами бо святаго здравъ бысть, и болѣзнь та преста, ей же ни мало чувствоваше въ себѣ отъ того часа. И постави трапезу братіи со всякимъ довольствомъ, милостыню давъ многу, отъиде во градъ съ радостію великою, хвалу воздая Богу, и угоднику Его святому Евфимію.

И ина многа чудеса, яже творить Богъ своимъ угодникомъ, не токмо ко гробу святаго приходящимъ, но и на всякомъ мѣстѣ съ вѣрою имя его призывающимъ: невидимо бо предстоить, и въ напастехъ помогаетъ: намъ же невѣдомо, но токмо единому Богу свѣдущу тайная.

III) С о о б щ е н і я.

Съ соизволенія Августѣйшей Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста и по соглашенію съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ при всѣхъ кассахъ Общества Краснаго Креста открывається сборъ пожертвованій на усиленіе врачебной помощи нуждающимся переселенцамъ. Сборъ этотъ предназначается на устройство учрежденіями Общества Краснаго Креста въ Сибири, въ мѣстахъ поселеній новоселовъ, наиболѣе пораженныхъ эпидемическими формами заболѣваній и лишенныхъ медицинской помощи, а также въ мѣстностяхъ большихъ скопленій переселенцевъ по пути ихъ движенія, амбулаторныхъ лѣчебницъ и питательныхъ пунктовъ Краснаго Креста и на командированіе въ тѣхъ же цѣляхъ санитарныхъ отрядовъ Краснаго Креста.

Сочувствующіе этому доброму дѣлу Общества Краснаго Креста дадутъ Обществу матеріальныя для выполненія его средства.

Съ Высочайшаго соизволенія Августѣйшей Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, при всѣхъ кассахъ учрежденій Общества Краснаго Креста открытъ сборъ пожертвованій для устройства въ Имперіи колоній, въ которыхъ будутъ прирѣваться подъ покровительствомъ Краснаго Креста прокаженные.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ,

ИЗДАНИЕ Т-ва А. Гранатъ и К^о.,

ОКОНЧЕНЪ ПЕЧАТАНІЕМЪ.

Цѣль изданія—въ сжатомъ изложеніи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ вопросамъ жизни и тѣмъ содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію.

Въ „Настольномъ Энциклопедическомъ Словарѣ“ приняли участіе: маг. П. С. Абельманъ, проф. Д. Н. Анучинъ, губ. агроп. В. Г. Бажаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. П. Вознесенскій, Д. С. Волгинъ, маг. М. Я. Герценштейнъ, маг. Викт. А. Гольцевъ, инж. А. Н. Гранатъ, П. Н. Гранатъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. П. Я. Гурляндъ, инженер. А. М. Дондъ, Гр. А. Джаншиевъ, Е. Е. Ерицловъ, д-ръ Р. М. Жирмунскій, инж. П. М. Зиновьевъ, П. Н. Златовратскій, проф. Н. П. Ивановскій, Е. Н. Каменецкая, маг. А. И. Каменка, Я. Н. Кодубовскій, инж. В. Г. Крапивинъ, В. Ф. Лазурскій, М. Ландау, проф. В. Ф. Левитскій, д-ръ М. Е. Люнъ, прив.-доц. П. Л. Лось, проф. П. В. Лучицкій, прив.-доц. П. Малюховъ, проф. С. А. М. Муромцевъ, проф. В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, Викт. П. Острогорскій, проф. В. В. Пашутинъ, М. Д. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, М. Б. Познеръ, А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Радловъ, А. С. Радкадзе, М. Н. Ремезовъ, прив.-доц. А. Р. Свирцевскій, прив.-доц. В. С. Соколовъ, П. Н. Сокулинъ, В. Н. Сторожевъ, Н. Г. Тарасовъ, проф. А. С. Таубергъ, маг. М. И. Туганъ-Барановскій, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. О. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. Н. Чупровъ, проф. Щегловъ и пр. др.

Все изданіе составляетъ 8 томовъ (до 1100 столбцовъ убористой печати). Въ изданіи помѣщено 71890 статей и замѣтокъ, 1567 портретовъ и рисунковъ, 26 географическихъ картъ, 150 таблицъ, рисунковъ, хромо-и олеографій, статистическихъ таблицъ и картограммъ, первые шесть томовъ вышли третьимъ стереотипнымъ изданіемъ, 7-й—вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

Цѣна полному изданію на обыкновенной бумагѣ безъ переплета 98 руб., въ переплетѣ 42 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 руб., при полученіи шести томовъ 5 руб., остальные деньги выплачиваются ежемѣсячными взносами по 2 рубля.

Подробные проспекты съ отзывами печати, выдержками изъ текста и условіями разсрочки высылаются по требованію бесплатно.

Главная Контора: Москва, Большая Никитская, д. 5 (Рихтеръ), рядомъ съ университетомъ.

„ПАМЯТНИКИ“

древне-русской церковно-учительной литературы, издаваемые при духовномъ журналѣ

„СТРАННИКЪ“,

подъ редакціей профессора С.-Петербургской духовной Академіи, А. И. Пономарева выходятъ съ 1894 года по одному выпуску въ годъ, содержащему одно или нѣсколько произведеній изъ наиболѣе извѣстныхъ и важнѣйшихъ въ исторіи нашей церковно-учительной литературы отъ X.—XI в. до XVII в., съ руководящими статьями и объяснительными примѣчаніями къ тексту и къ содержанію издаваемыхъ церковно-учительныхъ памятниковъ. Въ изданіи приняли уже и принимаютъ участіе лучшіе изъ нашихъ знатоковъ древне-русской церковной письменности. Задача изданія—дать возможность боѣе близкаго, непосредственнаго знакомства съ нашимъ древнимъ церковнымъ учительствомъ по сохранившимся памятникамъ, какъ не появившимся еще въ печати и стариннымъ первопечатнымъ, такъ и разбросаннымъ по разнымъ малодоступнымъ и дорогимъ новымъ изданіямъ,—а такое знакомство одинаково нужно и для школы, и для пастырей церкви, и для почитателей родной старины вообще.

Вышли три выпуска „Памятниковъ“. Содержаніе перваго изъ нихъ: Поученія Луки Жидаты, преп. Феодосія Печерскаго, митроп. Иларіона и Кирилла Туровскаго съ примѣчаніями и объяснительными историко-литературными статьями И. Е. Евсеѣва, Ѳ. Г. Калугина, доцента Н. К. Никольскаго и проф. А. И. Пономарева. Содержаніе втораго: „Древне-русскій Церковно-учительный прологъ“, часть первая (сентябрь—декабрь), съ примѣчаніями и объяснительной статьёй профес. А. И. Пономарева. Содержаніе третьяго вып.: 1. „Древне-русскія поученія (анонимныя) о разныхъ истинахъ вѣры, благочестія и доброй христіанской жизни“, со статьёй и съ примѣчаніями проф. А. И. Пономарева. 2. Поученія на св. Четырдесятницу, со статьею и съ примѣчаніями проф. Е. В. Пѣгухова. 3. Поученія противъ древне-русскаго язычества и народныхъ суевѣрій, со статьёй и съ примѣчаніями проф. Ш. В. Владимірова.— Въ четвертый выпускъ, составляющій приложеніе къ журналу „Странникъ“ на 1897 годъ, войдетъ вторая часть „Древне-русскаго Пролога“ за мѣсяцы январь—апрѣль, со статьёй и примѣчаніями профессора А. И. Пономарева.

Журналъ „Странникъ“, издающійся съ 1863 года, выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12-ти и болѣе листовъ. Подписная плата на журналъ въ 1897 году, съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ, шесть рублей, съ приложеніемъ же „Памятниковъ“ семь рублей. (Цѣна перваго, втораго и третьяго выпусковъ „Памятниковъ“ для подписчиковъ „Странника“ по одному рублю, для не подписчиковъ по два руб. за экземпляръ); съ пересылкою за границу восемь рублей и съ приложеніемъ „Памятниковъ“ девять рублей.—Адресоваться въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 173.—Редакція покорнѣе проситъ подписчиковъ точно указывать какой или какіе именно выпуски „Памятниковъ“ они желаютъ получить.

Редакторъ-издатель: Профессоръ А. И. Пономаревъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

съ извѣстіями по С.-Петербургской епархіи въ 1897 г.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

За истекшіе два года существованія, журналъ „Духовный Вѣстникъ“, одушевленный желаніемъ послужить дѣлу своего издателя „Общества распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви“, успѣлъ пріобрѣсти искреннія симпатіи читателей, какъ о томъ можно судить по сочувственнымъ отзывамъ, получаемымъ изъ Россіи и за-границы, и по тому вниманію, съ которымъ относится къ журналу духовная печать въ Россіи. Этимъ возрастающимъ сочувствіемъ къ юному будителю религиознаго сознанія журналъ обязанъ, конечно, тому, что онъ старался въ формѣ живыхъ статей откликаться на животрепещущіе вопросы современности, всегда оставался на почвѣ строгой церковности. Кромѣ статей приснопамятныхъ преосвященнаго Іоанна, еп. Смоленскаго изъ его лекцій, полученныхъ при посредствѣ прот. І. П. Сергіева, отъ игуменіи Балашевскаго монастыря Маріи,—писемъ затворника-епископа Теофана, доставленныхъ В. А. І. и княземъ и княгиней К-выми, статей протоіерея Г. П. Павскаго, въ собственноручныхъ рукописяхъ доставленныхъ проф. Н. И. Бэрсовымъ, въ журналъ печатались назидательныя проповѣди протоіерея Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго) и дневники его за 1861 и 1894 года, очерки коронацій ХVIII ст. прот. В. И. Преображенскаго, очерки изъ міра старообрядцевъ—неокружниковъ въ Слб. прот. В. В. Нильскаго (+), интересныя статьи изъ заграничной жизни и пр.

Вступивъ въ третій годъ изданія, журналъ и впредь будетъ чутко прислушиваться ко всему происходящему въ столицѣ, Россіи и за-границей и освѣщать явленія церковно общественной жизни съ православно-церковной точки зрѣнія. Кромѣ всегда живыхъ статей г. А. Н., статей автора очерковъ приходской благотворительности въ Слб., описаній коронацій ХІХ в., остающихся не напечатанными синаксарей въ русскомъ переводѣ, въ журналѣ печатаются: лекціи Іоанна еп. Смоленскаго, дневники и проповѣди прот. І. П. Сергіева, слова, рѣчи и бесѣды другихъ проповѣдниковъ и письма епископа Теофана къ Н. В. Елагину, полученные редакціею, въ числѣ болѣе 100 его собственноручныхъ писемъ.

Подписная цѣна на журналъ—5 р. въ годъ, 3 р. за полгода, съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи. Слб. Николаевская ул., № 5, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 час. дня.

Тамъ же можно получить журналъ за 1895 и 1896 гг. по 5 р. и отдѣльные №№ журнала по 10 к. за №.

Редакторъ, Священникъ Философъ Орнатскій.

СОДЕРЖАНІЕ № 8-го.

Часть официальная. Распоряженія епархіальнаго начальства.—Движеніе и перемѣны по службѣ.—Праздныя вакансіи.—Денежныя поступленія.

Часть неофициальная. Воскресеніе Христово—знаменіе нашего будущаго воскресенія.—Святая пасха въ православномъ чинопослѣдованіи. I) Изъ епархіальной жизни: Изъ села Смердомли (корреспонденція).—Пожертвованія преосвященнаго Мисаила.—Кирилло-Бѣлозерская икона Божіей Матери. II) Статьи и разсужденія: Христова пасха—праздникъ духовнаго обновленія.—Св. Плащаница.—Житіе св. Евѣимія архіепископа. III) Сообщенія.

9-го Апрѣля 1897 г. Печатать разрѣшается.

Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій*.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи *Степанъ Успенскій*.

Н О В Г О Р О Д Ъ .

Паровая типографія І. І. Игнатовскаго (Знаменская ул., соб. д.).

СОБСТВЕННЫЙ МАГАЗИНЪ
печатныхъ и писчихъ
бумагъ,
канцелярскихъ и учебныхъ
принадлежностей.

ПАРОВАЯ ТИПОГРАФІА
Иосифа Иосифовича
Игнатовскаго
ВЪ НОВГОРОДЪ.

(Знаменская улица, собств. домъ).

ПЕРЕПЛЕТЫ КНИГЪ
въ обложечные и
роскошные,
съ золот. машин. тисненіемъ
покрышки.

ИСПОЛНЯЕТЪ обыкновенные и изящные предметы печати, а именно: большія книжныя изданія и брошюры съ политипажками, таблицами и чистымъ текстомъ; торговые преискуранты и счета; каталоги, отчеты, бланки для дѣлопроизводствъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учреждений; мею, пригласительные, по разнымъ случаямъ билеты, визитныя карточки и проч., на русскомъ, французскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, разнообразными новыми шрифтами.

Благодаря усовершенствованнымъ скоропечатнымъ машинамъ, паровой рабочей силѣ и приобрѣтенію для печати бумаги непосредственно отъ фабрикъ, типографія имѣетъ возможность и предлагаетъ исполненіе печатныхъ работъ дешевле, сравнительно съ прочими типографіями на 10%.

Личные заказы принимаются въ конторѣ типографіи, а отъ иногородныхъ заказчиковъ по письменнымъ требованіямъ, адресованнымъ въ контору.

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ЗАКАЗОВЪ по письменнымъ требованіямъ, типографія сама избираетъ къ предмету печати приличные шрифты; что же касается бумаги, вполне зависящей отъ усмотрѣнія заказчика, то ее необходимо обозначать названіемъ: сѣрая, полубѣлая, бѣлая, почтовая, съ добавленіемъ слова: обыкновенная, лучшая.

КАЧЕСТВО ПЕРЕПЛЕТОВЪ дѣловыхъ книгъ обозначать: канцелярскій обыкновенный и лучший, полуконторскій и конторскій, а затѣмъ указать количество листовъ бумаги, т. е. полныхъ, а также, если будетъ требоваться, поперечная, для ровнаго письма, линовка, печатная нумеровка листовъ и шнуръ для печати.

При заказахъ дѣловыхъ книгъ и бланковъ необходимо присылать желаемыя формы.

Типографія исполняетъ заказы возможно скоро и точно.

Исполненные работы высылаются по назначенію почтой или со скорыми поѣздами желѣзной дороги, а накладныя и счета — почтой.

Правительственныя и общественныя учрежденія и должностныя лица уплачиваютъ по сметамъ типографіи по полученіи предметовъ заказа, а частныя лица по наложенному на посылку платежу.

На значительныя заказы произведеній печати (книги и брошюры) высылаются смѣты стоимости набора, печати и бумаги.

КЪ СВѢДѢНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ „НОВГОРОДСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

Статьи, помѣщенные въ „Епархіальныя Вѣдомостя“ (печатающіяся въ моей типографіи), могутъ быть, по особому заказу, отпечатаны за сравнительно уменьшенную плату, въ желаемомъ числѣ экземпляровъ, въ отдѣльныя брошюры.

При желаніи воспользоваться готовымъ наборомъ, необходимо заявить типографіи не позднее недѣли со дня выпуска № вѣдомостей, въ которомъ помѣщена известная статья.

Владимиръ типографіи С. Углатовскій.